

В. ДУНАЕВ

ОСТОРОЖНО,

В ДЖУНГЛЯХ

ЗАСАДА!

В. ДУНАЕВ

**ОСТОРОЖНО,
В ДЖУНГЛЯХ
ЗАСАДА!**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1967

СОДЕРЖАНИЕ

Легенды зеленых холмов Африки	4
Сутки на вершине дерева	8
Поющий паром	17
Кто купил экватор?	24
«Нил установлен»	29
В гостях у пигмеев	34
Последний из колдунов Кампалы	41
Жемчужина Африки	43
Два цвета Африки	47
Мина взрывается	49
Благородные законы джунглей	55
Минуты, отлитые из свинца	58
На переправе	62
Га-га-рин	67
Слушай, Гана...	69

Дунаев В. П.

Д 83 Осторожно, в джунглях засада! Худож. Н. Гришин. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.

72 с. («Путешествия по странам Востока»). 50 000 экз. 19 к.

Автор, советский журналист, объездил Восточную, Западную и Центральную Африку. Он своими глазами видел и запечатлел на фотопленке маленьких охотников — пигмеев бамбути, познакомился с забытым, вымирающим племенем доробо. Он побывал в королевстве Буганде, на вершине Лунных гор в Кении, на стремнине Нигера и в плавнях Нила. Книга знакомит с обычаями и легендами африканских народов, их борьбой за свободу и независимость.

Эта книжка перенесет тебя, читатель, в селение пигмеев, в диковинные королевства, на вершины Лунных гор, на берега Нила, Конго и Нигера, на

побережья двух океанов. Ты увидишь Африку — волшебную, сказочную, экзотическую — и узнаешь о трагических, страшных событиях, о засадах карателей, о тех, кто и сейчас подрывается на минах, об эмигрантах, изгнанных из своей страны голодом или автоматом. Ты услышишь крепнувший голос новой Африки.

Конечно, это не исследование, не законченная картина, а лишь эскизы, наброски очеркиста, которому журналистская судьба подарила радость встречи с народами Африки.

ЛЕГЕНДЫ ЗЕЛЕННЫХ ХОЛМОВ АФРИКИ

Горностаевая мантия облаков лежит на плечах Сверкающей Горы — по-местному Килимана Нгара, или Килиманджаро. Зеленые холмы Африки прикрылись зонтиками акаций, выставив громоотводы редкостных эвфорбий — как бы кактусов на дереве. Здесь трава в рост слону. Здесь желтой молнией падает на зебр и антилоп львица и ведут смертельный междоусобный бой цари зверей — носороги. Край, где люди ближе всего к природе, лицом к лицу с ней. Где до сих пор с копьем ходят на слонов и леопардов, где носят талисманы от удавов и крокодилов...

Край поэтических легенд и мужественных, боевых песен.

Песня рождается незаметно и повсюду: на сельском празднике или на городском базаре, на речной переправе или на плантации кофе. Зазвучит вдруг нежная, трепетная африканская свирель. В Кении ее называют эшисирива. Тихо, как бы издалека вступают тамтамы — эвикули. Дрожь тамтамов — сигнал тревоги. Дробь тамтамов — боевой клич. Гром тамтамов — ликование, торжество, праздник, победа.

Звучат волшебные струны литунгу. Похоже на то, что эту африканскую гитару изобрели сказочные циклопы. Ее привязывают к ногам, настолько она велика. Но ведь и исполнители необычные — самбуру. Это — одни из самых высоких людей на земле, каждый самбуру ростом с центрового нашей баскетбольной команды. И здесь же, в зеленых холмах Восточной Африки, по соседству с великанами самбуру живут самые крохотные люди на

планете — пигмен мбути, или бамбути, племя дерзких охотников.

А самбуру отличаются не только исполинским ростом. Их называют самым красивым народом Африки. И самым живописным. Страусовые перья и глиняная косичка на голове у статного солиста. Его руки с детства стянуты обручами медных браслетов. А у звонкоголосого женского хора, у каждой женщины самбуру — десятки ожерелий, амулетов, монет на шее, в ушах, на бритых бронзовых головках.

Самбуру заслужили имя «батгерфляйз» — бабочек. Они кочуют со стадами по саванне, и нет им равных в выносливости. Юноша может без отдыха пройти 100 километров, после этого вступить в схватку со львом и сразить его своим копьём. Песни самбуру — гимн доблести, величальные в честь бесстрашия.

Слово «луо» в переводе значит «топь». Этот народ живет на болотистых землях верхней долины Нила. Звучки тамтамов в танцах луо отгоняют их смертельных врагов — бегемотов и крокодилов.

В песнях охотников гирьяма звучит натянутая тетива лука, полет коварной, отравленной стрелы. Ведь, как говорят легенды, именно гирьяма первыми стали изготавливать яд для стрел и копий.

А тьюены — их имя в переводе значит «обитатели холмов» — исполняют протяжные пастушеские песни, частотные на аромате буйных трав и акаций.

Когда танцуют мужчины таита, в их руках мелькают стебли бананов. Это — символы плодородия. Потому что уже много веков назад таита научились создавать водотводные каналы из таких вот банановых стеблей. Эти древние ирригаторы орошали земли, находящиеся в 170 километрах от реки!

Музыка, песни каждого народа, каждого племени слиты с их жизнью, бытом.

Так и обычаи — они тоже связаны с окружающей природой, с борьбой за существование. У скотоводов рендиле и габбра женщины, родившие мальчика, получают право носить роскошный глиняный гребень. Так селение благодарит ту, которая подарила ему будущего пастуха.

Племя покот делится на земледельцев — их называют пи па пакс — и скотоводов — пи па тик. Чтобы закре-

пить за семьей наделы и скот, браки никогда не расторгаются, и даже дети, родившиеся через несколько лет после смерти мужа, считаются его детьми.

А у элгейо есть такой обычай: сколько бы ни жили вместе супруги, но до тех пор, пока в семье не появится ребенок, свадьбу справлять не разрешается и брак считается недействительным. Элгейо — одна из немногих народностей Африки, которая никогда не знала «выкупа за невесту».

Сколько племен и народов — столько обычаев, песен, легенд.

...Это было тогда, когда Нил еще не пробился через пустыню, а снег с гор спускался в самую долину. В те времена на земле не было людей, а жил только богатырь Доробо.

Так начинается легенда народа масаи.

Доробо знал звериный язык. Он читал мысли слона, изучил повадки змей и львов. И все подчинялись ему, даже носороги. Только один враг — но зато хитрый и жестокий — был у Доробо в джунглях. Это — удав.

Однажды после страшной схватки с удавом израненный Доробо впервые подумал о смерти. Кто же станет тогда вожаком обитателей гор и саванн, озер и неба?

И Доробо решил создать племя людей — мудрое и честное, искусное и смелое. Он разорвал кожу на ноге, извлек кость из голени и создал из нее мальчика и девочку. А когда Доробо дождался внуков, то расселил их на трех горах — на Килимана Нгара, Кении и Элгоне. Так появилось на земле еще три племени — кикуйю, масаи и туркана. От них произошли 50 других племен Кении, а потом и все человечество.

Перед смертью богатырь Доробо дал наказ: жить каждому племени на своей горе. Но однажды пастух туркана в погоне за отбившимся буйволом незаметно спустился в долину. И там он встретил сказочную красавицу из другого племени. Они увидели вокруг манговые деревья и кокосовые пальмы, плоды ананасов и бананов, неведомые ягоды и мед. И решили они не возвращаться в суровые огнедышащие горы, а поселиться в долине.

Так появились племена равнинных людей, земледельцев и скотоводов. Но в отличие от охотников они потеряли власть над зверями, разучились понимать их язык.

И носороги стали опустошать их посевы, а львы — зади- рать их коров и овец.

Так говорит легенда.

В Кении я видел племя, которое носит имя доробо. У них нет собственного языка, они пользуются языком соседей, и если соседи меняются — меняют язык и доробо. Зато, как уверяют, они прекрасно владеют языком зверей и птиц, джунглей и гор.

Всего сто семей доробо осталось в Кении. Охотники этого племени одеваются в шкуры и луб — особую ма- терию, сделанную из коры деревьев, питаются только мясом и кореньями. Они называют себя потомками бо гатыря Доробо.

У древней легенды есть продолжение, жизненное и трагическое. Его записали свободолюбивые народы Ке- нии, поднявшиеся против британских господ, записали кровью. В 1952 году восставшие земледельцы и скотово- ды, у которых англичане отбирали лучшую землю и скот, снова ушли в леса и горы, стали «лесными людь- ми», как называли себя бойцы армии освобождения. Четыре года пылал пожар восстания, четыре года британ- ские батальоны находились в осаде.

Оружием кенийцев были стрелы и копья. Самодель- ные ружья изготовляли в лесных арсеналах из кусков водопроводных труб, ударником служила рогатка. Шестьдесят тысяч африканцев были брошены в конц- лагери, десять тысяч бойцов убиты, тысяча — казнены.

А Кения продолжала сражаться — и победила. В де- кабре 1963 года свободная Кения торжественно встре- тила «лесных людей», своих непокоренных, торжествую- щих сынов.

Через века пронесли свои обычаи африканцы. Есть среди них разные — и хорошие и устаревшие. Но один, самый дорогой, самый гордый, о котором поют песни, рассказывают тамтамы, слагают легенды, — это обычай не склонять головы, быть хозяином на родной земле. В долгие годы господства англичан непокоренный на- род Кении надевал белые маски — знак горя. Теперь я видел во время ритуалов, танцев, праздников все больше красных масок — символов победы, грядущего торжества.

СУТКИ НА ВЕРШИНЕ ДЕРЕВА

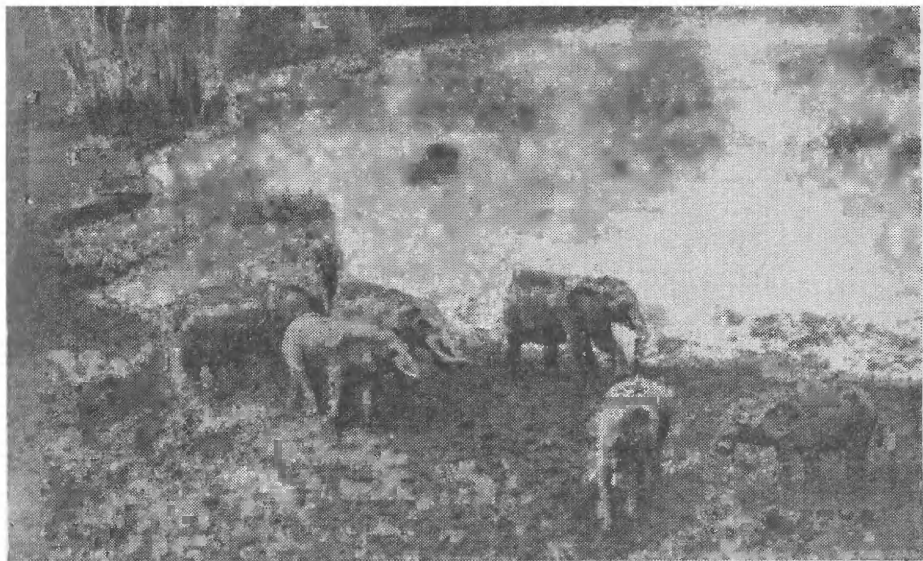
В сопровождении охраны с взведенными ружьями мы прошли по эвкалиптовому лесу. У могучего дерева мгуму охотник-профессионал Джон Кук подал знак остановиться. Едва заметная лестница вела вверх. Рядом по ветвям взбирался любопытный павиан, удивленно ухали тропические птицы. Наконец под ногами дощатый настил. В глубину кроны ведет коридор. Комнаты-скворечники насквозь пронзены ветвями, как шпагами факира. У мгуму пышная крона. Настолько пышная, что она скрывает 20 комнат, столовую, зал, три террасы и лестницу.

Так мы оказались в единственной на земном шаре гостинице, построенной на дереве. А дерево это растет в глубине заповедного леса Абердер среди зеленых холмов Кении, по ту сторону экватора.

Отель называется «Тритопс». «Три» — по-английски дерево, «топ» — вершина. Здесь, на вершине дерева, нам предстоит провести сутки.

КОДЕКС ЧЕСТИ

■ Изумрудное, точно отполированное озеро отразило седую, древнюю, напоминающую зуб мудрости гору, которая пятикилометровым монументом вознеслась над самым экватором. Одна вершина упирается в свод южного полушария, другая вонзилась в небо северного. Белая Гора — Килиния, или сокращенно Киния, дала имя целой стране — Кении. Озеро отразило и дерево мгуму, подняв

И по сигналу вожака из леса вышло все стадо

шееся над глинистым месивом — звериным пляжем. Оно отразило и со всех сторон окруживший озеро грозный, безмолвный лес.

Но вот он словно расступился, чтобы выпустить из чащобы эвкалиптов своего повелителя. Грозный, стальной слон-вожак величественно застыл, взметнув хобот. Протрубил — так что холодок пробежал по спине. И по сигналу вышло не таясь все стадо.

Вот оно уже неправдоподобно близко, в двадцати метрах, в десяти, прямо под деревом... Здесь, на глинистом «пляже», находят звери свои лакомства — соль, кобальт, фосфор. Сорок слонов принимают на закате грязевые ванны. Из хоботов-насосов осыпают себя глиной, обвеивают веером ушей. Стадо стального цвета превращается в коричневое, сливается с суглинками, и только белые клыки блестят, как зубы у африканцев.

До чего же суетливы голенастые слонята! Зато старшие величественны, застыли, словно позируют. На клыки налипли комья глины. Слон стряхивает ее и прячет хобот в рот, как руку под мышку. Сплелись хоботы слонихи и слоненка. Целуются?

Вожак обхватил хоботом ствол акации, потряс, вырвал. Опоздавший самец вышел из леса, когда стадо уже покидало берег озера. Подошел к слонихе. Они переплелись клыками. Постучали, как чокнулись, и хлоппали хоботами друг друга по спине.

Заметив наше удивление, охотник Джон Кук подошел, понимая улыбку. «Самые умные животные». Он видел здесь однажды, как стадо окружило слониху, бросившую у водопоя слоненка, и наказало ее ударами хобота. Джону Куку стоит верить. Он знает повадки и язык зверей, он водил на охоту в зеленые холмы Африки Хемингуэя, был другом легендарного охотника Хантера.

АНГЛИЯ БЕЗ КОРОЛЕВЫ

■ — Вас, конечно, интересует история фантастического отеля? — спрашивает Кук. — Согласитесь, это счастливая идея — воздвигнуть гостиницу на ветвях. И пришла она в голову владелице городского отеля в городе Ньере англичанке Бетти Уокер. Более тридцати лет назад, осенью 1934 года, было построено на дереве бунгало в три комнаты. Оно было укрыто так, что звери не могли его заметить. А потом... Лучшей рекламы нельзя было и придумать.

В тот февральский день 1952 года, когда скончался король Георг VI, трон перешел к его дочери Елизавете. Но Англии пришлось пробыть сутки без королевы. Летели депеши, мчались курьеры — надо было срочно отыскать принцессу, путешествующую по Африке, и доставить ее в Лондон. Но посыльные, выехавшие из Найроби в лес Абердер, вернулись, так и не выполнив поручения. Они не решились пройти мимо диких животных. А принцесса вместе с мужем, герцогом Эдинбургским, находилась на дереве, в отеле «Тритопс», наблюдая за слонами и буйволами. Имя гостиницы, с которой нет связи и куда не в силах добраться ни один гонец, облетело всю печать. Словом, пока не пришел срок ничего не подозревавшей принцессе спуститься с дерева, Англия была без королевы.

ОСТОРОЖНО, В ДЖУНГЛЯХ ЗАСАДА!

■ — А через два года, — продолжал Кук, — «Тритопс» вместе с фиговым деревом, на котором он тогда находился, сгорел. Его подожгли «лесные люди».

Охотник-англичанин не стал вдаваться в подробности, зато мне рассказал их один из бывших «лесных людей», ветеринар-африканец Пол Гитуя.

...Это случилось майской ночью 1954 года, в разгар восстания кенийцев, требовавших вернуть им украденные англичанами земли Белого Нагорья. Ведь лес Абердер тоже находится на Белом Нагорье. В нем действовал тогда отряд повстанцев. Днем они укрывались в глухих местах, зато ночью были хозяевами в лесу.

И вот однажды к вечеру повстанцы заметили потревоженное кем-то стадо антилоп. Начали следить — и увидели, как отряд карателей с пулеметами крадется к большому фиговому дереву. Так вот оно что! Вместо туристов отель на дереве заняли каратели. Готовилась ночная засада. Когда стемнело и у озера по обыкновению сошлись стада зверей, трое лесных борцов подкрались к фиговому дереву. Они сложили охапки сухой слоновой травы, ветви эритрин и кору каштана. Взметнулся огонь, занялся дровяной настил, дым окутал фиговое дерево.

А оттуда по лесу, по слонам, по озеру вслепую хлестал пулеметный дождь. В кровавом отблеске пожара металась звери, а автоматы и пулеметы захлебывались от выстрелов. Из ветвей выпрыгивали каратели — и попадали на бивни разъяренных слонов, на рога обезумевших буйволов. Не многим удалось прорваться в город Ньере.

Вот как, оказывается, был сожжен отель на дереве. Его восстановили через три года на соседнем дереве мгуму. Но долго еще, рассказывают, замечали у животных рубцы-отметины пулевых ран, полученных в ту майскую ночь 1954 года.

В отель на дереве — под охраной Джона Кука

СКАЗКА КЕНИЙСКОГО ЛЕСА

■ Над «Тритопсом» опустилась сказочная ночь. Перевернутый лунный серп занесен сверху над незнакомыми созвездиями тропиков. А под нами в считанных метрах от гостиницы, на расстоянии слоновьего хобота, разгуливали, кажется, все обитатели африканских лесов. Как на циклопическую арену, из тьмы леса выходили слоны. Джон Кук по-английски представляет все новых действующих лиц. Представляет шепотом — ведь звери и не подозревают, что за ними наблюдают сорок пар человеческих глаз.

«Буффало», — шепчет Кук. Появляется стадо огромных буйволов со страшными рогами.

«Райно», — говорит охотник, и глаза его загорают азартным блеском. Из эвкалиптовой мглы выходят две тонны мышц, увенчанных кинжальными рогами. Носорог. Низко посаженные глазки видят ночью далеко. Ни лев, ни леопард, ни буйвол — никто не уйдет от короткого, смертельного удара. Только слоны — и то днем, когда носорог плохо видит, — отваживаются вступить с ним в схватку. На наших глазах три слона, издав тревожный клич, попятились от носорога, который опустил голову и нацелил свои два меча на врага.

Джон Кук знаками зовет меня с собой. «Не хотите ли испытать острые ощущения?» По лестнице, крадучись, замирая, спускаемся на землю. Охотник бросает пригоршню соли — и к нам поворачивает свою крутолобую голову буффало.

Шумно отдуваясь, разрыхляя глину клыками, в двух метрах от нас стоят на коленях слоны. Носорожика тонко и пронзительно кричит «иу-иу» — зовет детеныша. А он провалился по колено в жидкую глину и уснул там. Стараясь не попасть на глаза великанам, подкрадываются к озеру гиены, антилопы, зебры, мангусты с красными светящимися глазами.

Уже вернувшись в свою комнатку, пробираясь сквозь ветки к окошку, я снова увидел прямо под собой дикий, непо потревоженный мир.

Это было волшебство, фантастика, сказка. И если Восточную Африку называют по праву самым удивительным районом на земле, а Кению самой экзотической страной Восточной Африки, то это место в лесу Абердер, конечно, самое сказочное в Кении.

СЛОН И ГУБЕРНАТОР

■ Мы возвращаемся из отеля под охраной Джона Кука. Путь вовсе не безопасный.

Два года назад слон загнал здесь бывшего английского губернатора Макдональда на дерево. На такое, где не было отеля. И пришлось губернатору сутки с ужасом наблюдать, как его упорно сторожит гигант. После этого случая сатирические журналы всего мира облетела такая карикатура: сидит на ветке каштана унылый англичанин в пробковом шлеме и

со стеклом в руке. А внизу — клыкастый слон с надписью «Африка».

...Попасть в «ТритоПС» удается немногим. Нынешняя владелица отеля на дереве, англичанка Солсби, рекламирует его так: «Самая дорогая ночь в мире». 30 долларов — цена действительно баснословная. И тем не менее все места в кроне дерева мгуму расписаны на 200 ночей вперед. В предприимчивости английским владельцам отказать нельзя...

По-разному называют отель на дереве — и добрым волшебником, и величайшим в мире аттракционом. Но это — реклама. А как хотелось бы, чтоб на дереве мгуму обосновались ученые, превратив его в научный центр, где будет изучаться изумительный животный мир зеленых холмов Африки.

ТРУСЛИВЫЙ ЛЕВ

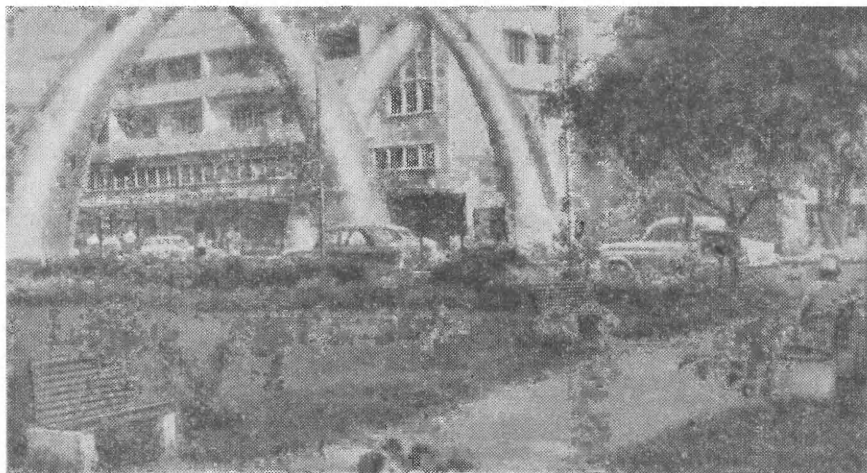
■ ... А теперь, прежде чем продолжить наше путешествие, отвечу на один совершенно неизбежный вопрос: «Ну как, довелось встретиться с царем зверей — львом?»

В заповедниках Восточной Африки львы не редкость. Крадутся они по зеленым холмам, взбираются на деревья. В пяти километрах от столицы Кении я в течение получаса наблюдал льва и трех львиц. Фотографировал я их с фокусного расстояния в два метра — машину львы подпускают к себе вплотную. Но выходить все-таки не стоит. В огромном заповеднике Тсаво до недавнего времени обитали даже львы-людоеды.

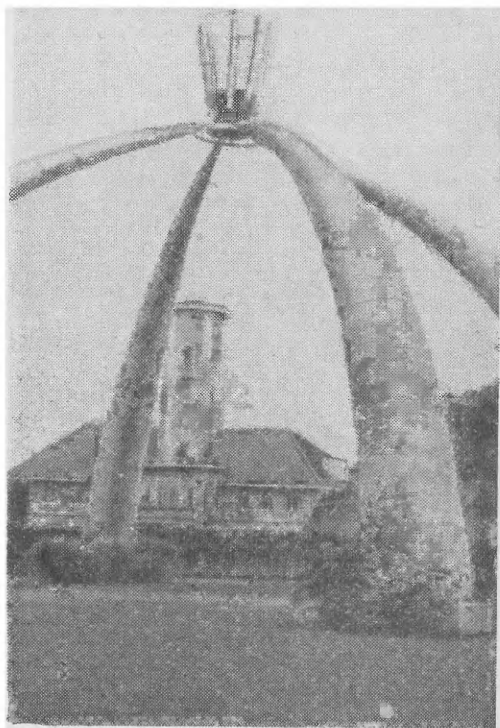
Впрочем, никому из африканцев не придет и в голову назвать льва царем зверей. Их место где-то между леопардом и буйволом.

А кто же звериный царь? Тут, пожалуй, двоевластие. Самый мудрый, сильный и миролюбивый из африканских животных — слон делит первенство с могучим, воинственным носорогом.

Шофер-африканец, только что наседавший радиатором на потрусившего в кусты льва, дает на всякий случай задний ход, завидев царей саванн и лесов — обладателей страшных бивней и разящих рогов. Не одну

Через эти триумфальные
арки в Момбасе и в Энугу
прошли кенийские и
нигерийские борцы за
свободу

машину вспорол рассерженный носорог и перевернул бивнями разгневанный слон.

А львы, что ж, они обычно не смеют приблизиться к царям зверей, зато они мастера нападать на зебр и водяных оленей. Словом, африканцы с иронической улыбкой относятся к благоговейному почтению, которое испытывают европейцы именно ко львам.

Известно, что англичане избрали льва символом своей силы и мощи.

Когда в Кению пришел День независимости, на улицах городов появились триумфальные арки, через которые прошли борцы за свободу. Арки имитируют скрещенные бивни слона. Кения, говорили улыбаясь африканцы, подобна слону, который изгоняет из зеленых холмов Африки хищника-льва. Британского льва.

ПОЮЩИЙ ПАРОМ

О Момбасе говорят: ее отец — Индийский океан, а мать — Африка. Редкостной красоты этот кенийский город.

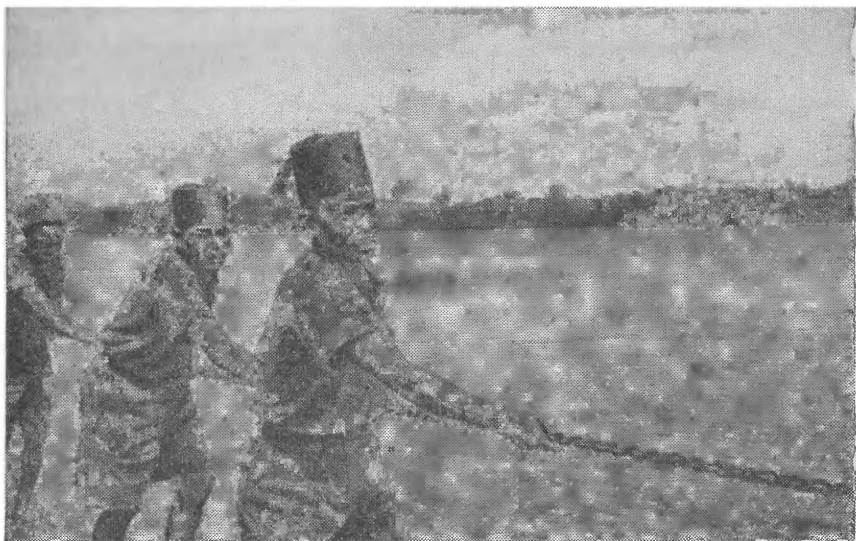
Сравниваю Момбасу с величественным Найроби или респектабельным Накуру, неумолчным Лагосом или ошеломляющей Кампалой, уютной Аккрой, загадочным Хартумом или громкоголосым, пряным Каиром...

Всем, кажется, взяли эти неповторимые, удивительные города — и экзотикой, и красотой своей, и букетом запахов, соцветий, звуков.

А все же пленила, завладела сердцем — и безраздельно — именно Момбаса. Я и был-то там всего два дня, а вот стоит она перед глазами — живая, неотразимая, сказочная. Разноплеменная, вобравшая в себя столько эпох, столько культур, вкусов, стилей — и единая, цельная, от прически до пят, как шедевр, сработанный кудесником-африканцем из черного дерева.

Я взял с собой кусочек этого города. Говорящий тамтам, покрытый зebровой шкурой. Это не простой, а священный барабан. У народности дурума их хранят вожди, и никто из «простых смертных» не имеет права взглянуть на тамтам, иначе тот потеряет свои волшебные свойства излечивать людей, отпугивать хищников и вызывать дождь. Момбаса подарила мне застывшего в дереве носорога — память о царе зеленых холмов Африки и о редком искусстве ее мастеров.

Я взял браслет из волос слоновьего хвоста — талисман, без которого ни один мужчина из племени диго не выйдет на охоту. В переливчатой, неумолчной тигровой ракушке Момбаса подарила мне Индийский океан, ласкающийся у ее ног.

Через океанский залив Мтвапа плывет паром...

А еще я взял с собой песни этого города. Момбаса напоена, настоена на музыке, на песнях.

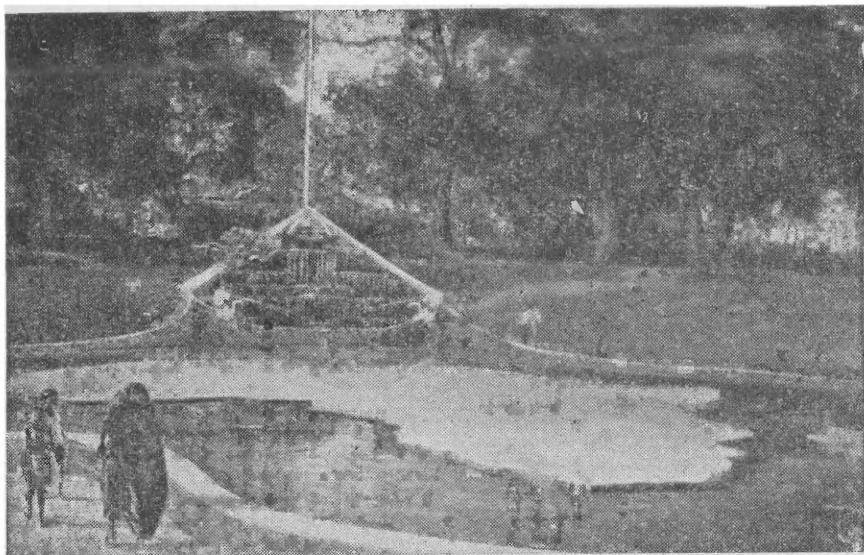
Город встречает своих гостей песней.

Через океанский залив Мтвапа плывет паром. Не простой. Его называют «Сингинг ферри» — поющий паром. Семь самозабвенных певцов, семь искусных танцоров, семь спорых рабочих тянут металлический канат. Паромщики — из едва ли не самого музыкального племени Африки, племени гирьяма. Пританцовывая в такт, грациозно движутся они вдоль каната, по деревянному настилу.

«Гэм-димогэн», — запекает солист, «Гэм-димогэн», — отвечает хор. «Гэм-димогэн» — рывок, «Гэм-димогэн» — вот он, берег. И артель рабочих вмиг превращается в оркестр.

Ракушка — тромбон, другая — саксофон... Семь раковин — духовой оркестр. Солисты то и дело прикрывают раструбы замысловатых океанских ракушек кулаками, звучит сказочный ансамбль подводного царства....

А вот за рощей баобабов вырастает наконец город.

Фонтан независимости — символ новой, единой Африки

ДЕРЕВЬЯ-«КЕНГУРУ»

■ Город на острове. Город, рожденный океаном. Город — морские ворота Восточной Африки. Первое, что видишь, — форт Йезус. Португальская крепость, стоящая над океаном уже четыре века. У ее подножия был когда-то невольничий рынок. Купленных рабов заключали в подземные казематы. А тут же рядом, в живописном порту, бросали тогда якоря бригантины, бриги, фрегаты, дхоу из Индии и Персии, Португалии и Испании. Переждав северо-восточный муссон, они в декабре выходили в обратный путь с живым товаром.

Все это представляешь живо, потому что и сейчас под средневековыми стенами форта Йезус у древнего порта стоят шхуны рыбаков, туристские яхты, древние баркасы и даже дхоу — те самые арабские парусники, которые еще восемьдесят лет назад перевозили рабов.

С них сходят в затейливых белых юбочках африканцы-гирьяма, арабы в бурнусах, индийцы в чалмах.

Недалеко от старого порта раскинулись причалы нового, крупнейшего в Восточной Африке. Теперь Мом- 19

баса — самый промышленный, самый пролетарский город независимой Кении.

Если пройти от форта Йезус по центральному проспекту, то увидишь Фонтан независимости. Струя падает на огромную мозаичную карту Африки.

Два памятника — двум эпохам. Но эпоха форта Йезус — не такая уж древность, хотя сама крепость превращена в музей. И проявляется это не только во внешнем облике Момбасы — в ее старом, средневековом районе, в ее бесчисленных мечетях, пагодах, католических соборах, в ее разноплеменном говоре и облике, где десятки тысяч африканцев, индийцев и арабов соседствуют с потомками португальских и английских корсаров.

Она, эпоха форта Йезус, продолжает жить и в чем-то более важном. Проезжаем белоснежный Ньялибридж и узнаем: этот мост — собственность компании, которой заправляет англичанин Гринвуд. Приморское шоссе, золотые пляжи, лазурный берег Бамори-бич — тоже его собственность. Минуем цементный завод — его владелец швейцарец Манделл. Городская газета принадлежит компании «Ист-африкэн стандарт», где хозяйничает англичанин Андерссон. И даже форт Йезус показывает португалец де Суза.

На берегу Индийского океана у Момбасы я попал в мангры. Что это такое? Мангры — лес, затопляемый океаном. Лес по колено в воде — было время прилива. Это — особый мир. Здесь свои мангровые крабы, мангровые рыбы и над всем — удивительнейшие деревья, деревья-«кенгуру». Семя не падает с дерева, оно прорастает прямо на материнской ветке, пускает корень, стебель. И только затем — готовое к встрече с океаном — покидает дерево. Семя вонзается в ил острым корневищем, спешит закрепиться, укорениться в считанные часы и минуты отлива. А когда нагрянет вода, когда напозет в мангры пена океанского прибоя, росток отчаянно цепляется за ил, и все же чаще всего его уносит в океан.

Мне вспоминались мангры, эта скрытая ежедневная схватка, когда я видел, как океан наживы, океан неокOLONиализма захлестывал ростки, рожденные в независимой Африке.

■ ... Он представился — управляющий нефтеперегонным заводом британской компании «Ройял Датч Шелл». Впрочем, на фронто́не конторы было выведено просто «Шелл». Пока управляющий объяснял («крупнейший нефтеперерабатывающий завод в Восточной Африке, выгоды — колоссальные»), меня не покидало чувство, что я его уже видел. Лицо хорька с подстриженными, как английский газон, усами, доверительный полусшепот — не то сутенер из Сохо, лондонского «дна», не то вороватый букмекер. Так я и не припомнил, где уже видел его, а может быть, все они на одно лицо: недавно встретился мне такой же англичанин в Бирме, я даже имя у него спросил — оказался не тот, не из Момбасы. В одном я не ошибся, он был из наглого десятка.

Покончив с беглым вступлением, он проникновенно — как «белый белому» — сообщил, что африканцы — это большие дети и, если бы не английская фирма, померли бы все с голоду. Мы им даем (тут управляющий начал загибать пальцы) комнаты, которые им не снились, высокую квалификацию — и притом бесплатно, зарплату, о которой черный может только мечтать...

— А что же вы требуете взамен? — перебил я англичанина.

— Только одно — не вступать в профсоюз, не общаться с голытьбой и смутьянами. Вырастить эту элиту, триста образцовых рабочих, стоило нам немалых средств, мы их не намерены выбрасывать на ветер, — веско заявил англичанин.

Тут не стоит, видимо, пересказывать, как переменялся управляющий, убедившись в отсутствии «белой» солидарности. Он раздраженно разрядил весь свой обширный запас антисоветчины и примолк только тогда, когда я поинтересовался, высказывается ли он как подданный ее величества или как гражданин Кении (большинство англичан приняло кенийское гражданство).

Достаточно наэлектризованные, вошли мы на территорию завода, где тени от гигантских цистерн падали на пальмовую рощу. Под взглядом управляющего рабочие съеживаются, отвечают односложно. Да, их обучали профессии больше года бесплатно, предваритель-

Под взглядом управляющего рабочие съезжаются...

но отобрав тех, кто успешно закончил школу. Да, фирма предоставляет комнаты за умеренную плату. Заработок? В порту грузчик за неделю не получит столько, сколько оператор здесь за день.

Много ли таких выгодных мест? Нет, в Момбасе это — единственное. Каждый за него держится. Ведь повсюду безработица. Профсоюз им не нужен — они всем довольны. Чему их обучали? Нет, не только будущей профессии. Им рассказывали и о политике.

Управляющий поощрительно кивает.

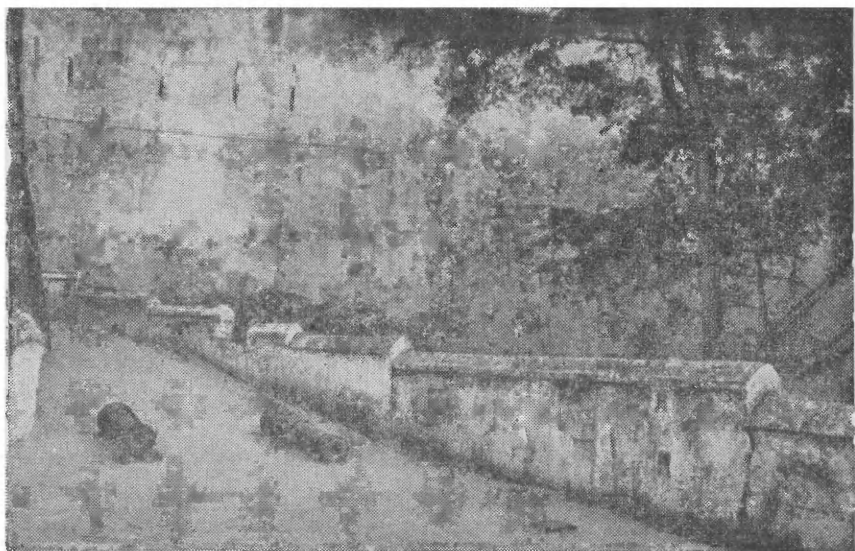
— Что мы узнали, например, о Советском Союзе? Там нет свободы, даже детей отбирают у родителей, всех иностранцев арестовывают.

И вдруг протискивается к нам парень и спрашивает:

— Скажите, а верно, что в Москве бесплатно готовят инженеров в университете имени Лумумбы?

У англичанина отвисает челюсть. Имя Лумумбы тут явно крамола, а слово «Москва» — это уже бунт.

— Как попасть в Москву? — продолжает оператор. Нам, советским людям, приходится выступать в Аф-

Зловещая громада форта Йезус.

рике перед большими аудиториями, на пресс-конференциях, перед микрофоном. Но не скрою — никогда я с таким удовольствием не рассказывал о нашей стране, как в тот день, в Момбасе, одному человеку, одному единственному. Управляющий трижды сердито напомнил моему собеседнику, что у нас нет времени. А он все расспрашивал — о спутниках и Асуане, о советских технических училищах и техникумах.

Здесь, в Момбасе, могущественный концерн задумал поймать в засаду этих африканских парней. В инкубаторе с искусственным климатом должна была вылупиться элита, будущие штрейкбрехеры, опора монополий. Но и здесь неспокойно.

...Тропическая ночь окутала Момбасу. А на перекрестке все еще оживленно торгуют ее чудесные гавроши. Гигантские бабочки обжигаются о газолиновые коптилки уличных торговцев. Из старого порта доносится гудок работаги-катера.

Зловещей тенью легла на Южный Крест громада форта Йезус. Неумолчно бьет родник — Фонтан независимости.

КТО КУПИЛ ЭКВАТОР ?

Момбаса — это уже южное полушарие. Чтобы попасть оттуда на Белое Нагорье, надо пересечь экватор. Когда рассказываешь об экваторе, обычно перебивают вопросом: «Как там переносится жара? Не случилось ли ударов?»

Нет, ни солнечных, ни тепловых ударов не было. Вот простудиться на экваторе довелось — что было, то было. И не со мной первым случилось — в Восточной Африке на экваторе обычно ветрено, дождливо и холодно. Рядом на отрогах горы Кения — снег. А знаете, как переводится название кенийской столицы? Найроби — значит «холодная вода». Даже днем приходилось кутаться в свитера и плащи, а многие африканцы носят пальто, вот что значит нагорье. В гостинице на экваторе в каждом номере пышет жаром камин. У него отогреваешься от тропического холода.

Экватор... Сама природа соорудила на экваторе величественный монумент — гору Кению. Но туристы предпочитают фотографироваться у бетонных обелисков с надписью: «Экватор». И мало кто обращает внимание на стоящую рядом неприметную дощечку с фамилией «Эггит». От нее на много миль тянутся колья, перевязанные колючей проволокой. Она ограждает земельные владения мистера Эггита. Шесть раз я пересекал экватор и неизменно видел такие таблички, менялись только имена: Эггит, Коул, Макгрегор. Экватор был куплен, он принадлежал плантаторам.

Встретиться с Эггитом можно только в Лондоне, а его управляющий жил в Накуру. Здесь, у экватора, находились батраки Эггита — африканцы кикую и туркана. Шестьдесят шиллингов — семь рублей в месяц —

вот весь их доход. Бамбуковые хижины, крытые банановыми листьями — их единственная собственность. Если не считать стайки голых ребятишек.

— То, что вы видите, — это прошлое Кении. Мы пересекаем сейчас свой экватор, отделяющий безземелье, забитую жизнь от будущей Кении, где африканец будет хозяином земли, скота, зеленых холмов, рек и равнин, — так сказал мне герой борьбы за освобождение Кении Кирори Мотоку. Я встретил его в деревеньке у самого экватора. У Кирори необычные для африканца пышные казацкие усы с проседью, брови взлет, усталые, с желтым налетом глаза, белые бороздки на шоколадной шевелюре.

— Эти зеленые холмы Африки, этот плодородный, щедрый край мы называли Нанни, — говорит Мотоку. — Английские плантаторы переименовали Нанни в Белое Нагорье. А на Белом Нагорье нет места черным — африканцам. И британский лорд Деламер изгнал кикую с экватора. Сюда можно было вернуться только батраком.

— Когда мы поднялись в 1952 году на борьбу, когда мы ушли в леса с копьями и луками, знаете, что было нашим девизом? — спрашивает Кирори Мотоку. И отвечает: «Ухуру на нчи» — «Свобода и земля». А плантаторы вместо земли предложили нам свинец, колодки, виселицы.

Мотоку спокойно, как о чем-то обыденном, говорит мне, что английские каратели восемь раз ставили его на табурет, накинув петлю на шею. Требовали, чтобы он назвал боевых товарищей, «лесных мстителей». В лагере Муэро английский офицер в бессильной ярости прострелил Мотоку обе ноги — он хромает до сих пор. А потом его заковали в цепи длиной в семь дюймов и не снимали их **семь лет**.

— И все-таки мы завоевали свободу, — говорит Мотоку. — И первые африканцы уже получили землю в Нанни.

...Деревня лесорубов — Дундори — находится на самом экваторе. Сквозь покосившийся занавес дождя карандашные кедры и эвкалипты кажутся особенно неприступными. Но вот у дороги появляется редколесье, ограда... Участок? Чей? И вот здесь впервые видим мы африканца — не батрака.

И мало кто обращает внимание на неприметную дощечку с фамилией «Эггит».

Знаете, что прежде всего показал нам улыбающийся, как-то очень гордый хозяин? Свидетельство на владение землей. Собственной землей. В свидетельстве удостоверялось, что участок № 140 площадью в 23 акра с 1 августа 1964 года принадлежит гражданину Кении Мванди Ндегве, 27 лет, семейному. Из шалаша выглядывала вся семья — жена и сынишка.

Нет пока дома у Мванди Ндегве, нет у него еще пашни — на участке пни, заросли слоновой травы, можжевельника. Он сам корчует, сам отвоевывает у леса землю.

Ндегве водит нас по участку — здесь будет кукуруза, здесь — сахарный тростник, здесь — пиретрум. А пока есть этот шалаш и грядка зеленого горошка.

Мванди Ндегве выплатил до сих пор лишь 160 шиллингов (20 рублей) за свой участок. А всего ему нужно внести — рассрочкой на 30 лет — 5 тысяч 700 шиллингов (730 рублей). Правительство Кении выплачивает европейским плантаторам полную цену за их владения (в среднем четырнадцать фунтов за акр).

Раз уж в этом очерке замелькали цифры, я рискну несколько углубиться в статистику, которая приоткры-

Здесь у экватора, находились только батраки Эггита — африканцы кикуйю и туркана

вает любопытную страницу социальной, аграрной «экзотики». В ней я нахожу разгадку, объяснение общественным парадоксам Кении.

В городке Ньери, что на Белом Нагорье, в двухэтажном особняке расположилось местное отделение департамента по распределению земли. Возглавляет его англичанин, помощником служит африканец, агроном Хезрон Рабари Алай. Он рассказал мне о положении крестьян в округе Мвейге. Правительством здесь было выкуплено шесть европейских ферм общей площадью 3600 акров. Землю распределили между 275 африканскими семьями. В среднем размер участка семь-девять акров, а в высокогорных и лесных районах — до сорока. Так как собирают здесь два урожая в год, то и плату фермеры должны вносить государству каждые шесть месяцев. Первый же неурожай (из-за холодов погибли кукуруза, зеленый горошек и пиретрум) разорил пятьдесят фермеров. Набеги диких животных лишили урожая еще 30 семей. Они вынуждены были наняться батраками, чтобы выплатить сумму очередного взноса. Так и получилось, что наиболее удачливые

хозяева получили даровые руки, а потерпевшие урои не смогли обработать собственную землю, чтобы поправить в дальнейшем свои дела. Постепенно создалось ядро кулаков, заимодавцев. Вскоре произошли вспышки возмущения — это выражали недовольство те крестьяне, которые попали в ростовщическую кабалу. Да и «справные хозяева», удачливые фермеры, в основном ведут натуральное хозяйство, и все попытки государства получить с мелких участков продукцию на экспорт (главным образом пиретрум) пока безуспешны.

Поэтому правительство Кении поощряет создание крестьянских кооперативов. И не столько сбытовых, сколько производственных. Но в кооператив нет хода неимущим. Вступительный взнос — несколько тысяч шиллингов.

...Вамбуа Ндува — шофер, он водит машины из Мачакоса — древней столицы Кении — в ее нынешнюю столицу — Найроби. Несколько лет он копил деньги на выкуп невесты. Теперь, вот уже третий год, собирает по шиллингу на вступительный взнос в кооператив. В его родной деревне Ндети создан первый у народа вакамба кооператив. В его уставе записано, что вступительные взносы необходимы, в частности, для оплаты батраков. Наиболее зажиточные жители Ндети станут полноправными членами кооператива, а остальные будут на них работать.

Да, для подавляющего большинства кенийцев мало что изменилось после завоевания независимости. Полмиллиона сельских жителей не имеют даже клочка своей земли. Пока еще сохраняются латифундии белых плантаторов в 50 тысяч акров, где работают батраки за пять рублей в месяц. Но ведь Кения только переходит свой экватор...

«НИЛ УСТАНОВЛЕН»

Кокосовая пальма прижала к груди гроздь орехов. Папоротник, как бы посаженный на дерево, склонился к воде. Кокетливо прикрылась веером от яркого солнца королевская пальма.

Птицы с налету вспарывали перламутровую раковину реки, и она платила им дань рыбой. Через зеленые холмы Африки свежим шрамом пролегла нестерпимо красная проселочная дорога. У реки она заканчивалась площадкой, на которой установлен серый, с рыжими подпалочками обелиск. Тяжелые и вечные, застыли в граните слова:

«Исток Нила. Открыт Спиком в 1862 году. До Средиземного моря — 6500 километров».

Очень далеко от этого места, в Западной Африке, я услышал, как рыбак ибо, с которым мы плыли по Нигеру, назвал эту реку Нил-эль-Абид — Нил невольников.

Вождь племени муконджо, показывая мне с Лунных гор на долину Конго, сказал: «Эту реку мы зовем Черный Нил». Да, повсюду в Африке Нил считают прародителем всех рек.

И вот я у Белого Нила, у главного истока Нила, реки — кормилицы и поилицы многих народов. Нил пронесит стаявшие снега Килиманджаро и Кении сквозь Сахару, он — единственный — в силах провеять пески, пробить горы и вплести изумруд «черной Африки» в средиземноморское ожерелье.

На берегах Нила возникла древнейшая цивилизация. Эту реку египтяне исследовали задолго до того, как на географические карты были нанесены Дунай, Ганг, 29

Исток Нила. До Средиземного моря — 6500 километров

Нигер, Амазонка. И вместе с тем Нил — последняя из великих рек мира, чьи истоки стали известны ученым. Крылатое выражение: «Искать истоки Нила» — долгое время значило: добиваться недостижимого. Лишь сто лет назад, когда встретились плывшие по Нилу навстречу друг другу экспедиции Спика и Бейкера, исследователи могли направить в Лондонское географическое общество ликующую телеграмму, сформулированную до предела лаконично: «The Nile is settled» — «Нил установлен».

Да, это здесь безбрежное озеро-море Виктория, площадью в целое европейское государство, дарит жизнь величайшей реке мира.

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

■ Вот она, Виктория, или Ньянза, как называют ее африканцы. Синеволная, ласковая, искрящаяся солнечной дорожкой. Совсем как наше Черное море. Только купаться здесь нельзя. И не оттого лишь, что рядом в любую секунду может

Загадочная, необычная река Нил.

вынырнуть крокодил. Есть тут враг опасней — микроорганизмы, которые через кожу внедряются в ткани и кровь человека, поражая печень и почки. Ученым еще предстоит вступить в схватку с невидимыми полчищами паразитов, которые похищают сейчас здоровье и жизнь у тысяч африканцев.

Загадочная, необычная река Нил. Я видел ее, разлившуюся от горизонта до горизонта в Южном Судане, заросшую папоротником, болотистую, застоявшуюся. И чистую, величавую — у Хартума, яростную, клокочущую — у Асуана и ручную, незамутненную — в Каире. Но больше всего мне запомнился Нил у его истоков — в Уганде. Особенно в том месте, где он, пройдя озеро Кьога, собирается влиться в озеро Альберта. Именно там Нил создал водопад Мэрчисон, который называют восьмым чудом света.

В этом месте Нил вдруг спотыкается, набирает скорость, прыгая с уступа на уступ, и — рушится с пятидесятиметрового трамплина в теснину. В каменной чаше водяной вал с громом дробится, пенится. Разбитый на сотни водяных косичек, Нил вздымается по отвесным скалам. Словно могучий вулкан выбрасывает он в небо водяную пыль и лаву.

Каждые десять секунд каменный котел закипает. И тогда обнажившиеся на мгновение гроты снова затягиваются шторами мчащейся сверху и снизу воды. Колышутся размытые корни мертвых, захлебнувшихся деревьев, трясется намокшая зеленая борода мха. Нил бушует. Облако, смерч, вихрь, циклопический шабаш воды.

И над всем этим повисли неправдоподобно яркие ленты радуги. Самую ближнюю и яркую ленту можно, кажется, взять, нарезать ломтиками, расчленить на цвета. Фантастическое зрелище! Пенится каменная чаша, из которой пили древние мудрые божества Африки. Нет мира — есть только это пиршество звуков, красок, запахов. Есть этот рай. Вот действительно жаль, если изгонят из такого рая, сотворенного Нилом.

БЕГЕМОТ-ШАТУН

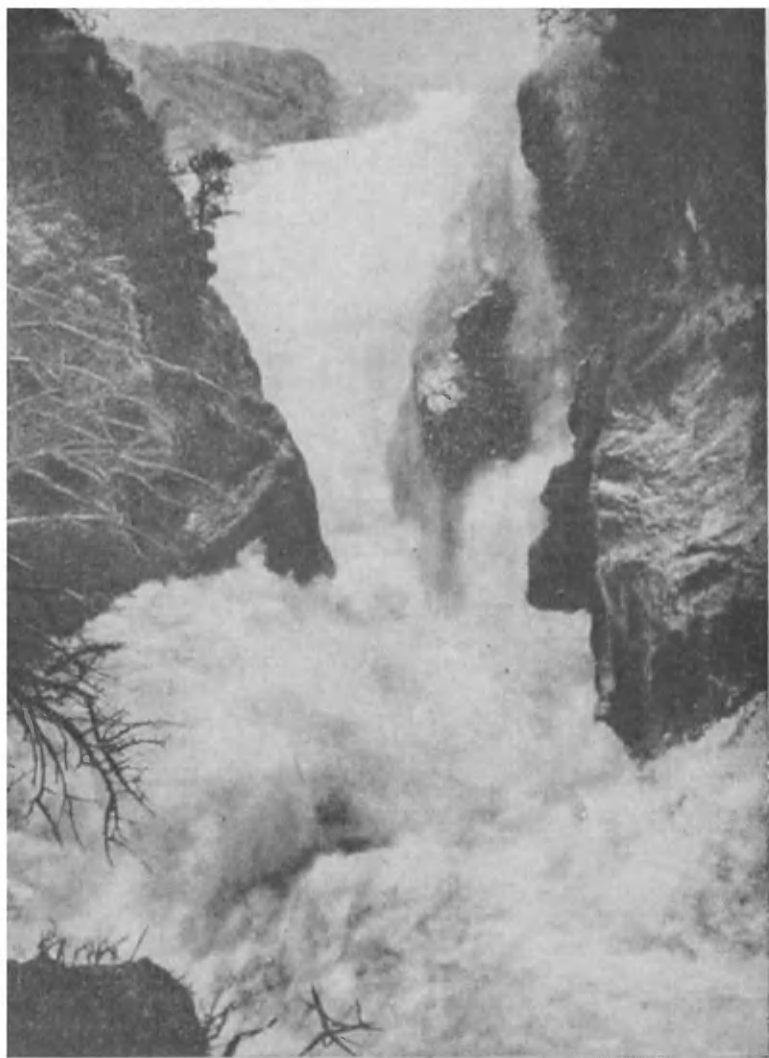
■ Оторвались от водопада Мэрчисон мы только под нажимом местного полицейского инспектора. Он пришел предупредить, что где-то здесь залег бегемот-шатун. Зверь это опасный, он часто нападает на людей, и оставаться у водопада долго нельзя.

Потом мы подплывали к Мэрчисону на лодке по Нилу, видели лежище сотен крокодилов, игры гиппопотамов, гуляющие у берега стада слонов. Но даже их трубные звуки перекрывал гром разъяренного Нила.

Недавно река сокрушила, разнесла в щелы мост, построенный перед водопадом. Эту бы исполинскую силу, да еще с таким, созданным самой природой водохранилищем, как озеро Виктория, заставить вращать турбины.

В Уганде, у самых истоков реки, построили небольшую гидростанцию. Но и ее мощность полностью не используется. В стране нет своей промышленности. Все ее богатства — и кофе, и хлопок, и медь, и ванадий — как сырье вывозятся в Западную Европу и Америку.

Здесь, у истоков Нила, я видел первую текстильную фабрику. Она принадлежит западногерманской компании. А вот промышляет рыбачья аргель. Их бригадир, африканец-луо Хэсбонд Окуму, слает улов за бесценнок приказчику английской фирмы.

Пенится каменная чаша

В ГОСТЯХ У ПИГМЕЕВ

Э то о них рассказывала поэтическая легенда древней Греции. Далеко-далеко, на южном берегу Океана, живет народ величиной с локоть — «пигме». Каждую осень пигмеи вступают в смертельную схватку с прилетающими на юг журавлями. Они не по росту сильны и отважны, эти карлики.

О пигмеях повествовал Гомер в «Илиаде». О людях с локоток говорилось и в других легендах. Только в них карлики обитали уже на востоке, «где-то за Индией».

Рассказы о пигмеях долгие столетия считались красивой сказкой, мифом, вымыслом. И вдруг мифические карлики из легенды ожили, сказка оказалась вещью. Настоящие, «взаправдашние» пигмеи объявились в сердце Африки, на юге — там, где помещал их Гомер. А потом «где-то за Индией», в Юго-Восточной Азии обнаружили еще одно племя карликов.

Как нарочно, карликовые племена обосновались или, точнее, были оттеснены более сильными соседями чуть ли не в самые труднодоступные глухие места планеты. Ученым не удавалось подолгу изучать их быт и нравы. Вокруг пигмеев — теперь уже не мифических, а реальных — складывались новые легенды, легенды об их необыкновенной жизни и обычаях. И сегодня мы еще мало знаем о пигмеях — людях, которые никогда не покидают лес, где они родились.

И когда журналистская судьба привела меня в королевство Торо, в Уганде, я решил непременно добратсья до селения пигмеев. Так я оказался у снежных вершин Рувензори — Лунных гор.

ЛУННЫЕ ГОРЫ

■ В дивном калейдоскопе африканских параллелей и меридианов я видел пряные, неприступные джунгли Ганы, гневный атлантический прибор, штурмующий Лагос, чудо мангрового леса на берегу Индийского океана, озеро-диво Виктория...

И все же самым удивительным было это предгорье Лунных гор: снег на экваторе, циклопические горы, непроходимые заросли бананов, редчайшие сенеции и колбасные деревья, чаши вулканов, до краев наполненные живой водой, гейзеры, скрытые в серных парах, и девственный лес Итури.

Да, именно в таком сказочном крае и должны жить легендарные пигмеи. Карликовые племена — их здесь три: ака, басуа и эфе — обитают в лесу Итури. Впрочем, лес этот размером с небольшое европейское государство, он захватывает территорию сразу двух стран — Конго и Уганды. Здесь, у северных склонов Лунных гор, кочуют пигмеи эфе, карлики среди карликов — самое низкорослое племя на земле.

Но как добраться до леса Итури? Единственная дорога — через Рувензори — стала сейчас ареной военных действий. Горские племена баконджо и бамба решили отделиться от королевства Торо, и в Лунных горах не смолкают сражения между бамба, баконджо и равнинным племенем баторо. Во главе сепаратистского движения стоит «король гор» Мукиране. Нечего и думать о том, чтобы проехать туда без специального пропуска.

Полицейский комиссар в городке Форт-Портал отказался дать разрешение. Долгожданный пропуск «на проезд через район волнений» выдала — после настойчивых просьб — канцелярия омукамы (короля) Торо Рукирибасайя Джорджа Дэвида Комурази Рукиди Третьего. С разрешением и охранной грамотой самого «Лусиль Босейге» — «Владыки людей», как называют здесь короля Торо, можно было трогаться в путь.

...Петляют, кружат горные дороги. Через облака, через водопады, через осыпи и завалы. Никогда не видел пути головокружительней. Он сделан покато к пропасти — чтобы ливневые воды стекали вниз. И колеса тоже тянут вниз. Случись встречная машина — не разъ-

В Лунных горах

ехать на дороге, которая больше напоминает тропинку, выдолбленную в пятикилометровой отвесной скале. Но за сутки ни одной встречной или попутной машины так и не появилось. Зато на склонах то и дело попадались опаленные и даже обугленные клели — острровершие горские хижины — следы непрекращающихся сражений войск королевства с непокорным племенем.

...Горы помолодели, избавились от седины, стали ниже, перешли в холмы. Зонтики акаций и кочаны сеней сменились кустарником, зарослями папоротника — этими павлиньими перьями на корню.

И вдруг все потемнело вокруг — это сомкнулась над головой громада дремучего леса, знаменитого Итури, который пиками карандашных кедров и гигантов эвкалиптов осадил крепости Лунных гор.

Селение Бундибугья — конец дороги. Дальше приходится пробиваться через чащобу перевитых лианами манговых деревьев, пылающих огненно-красными цветами эритрин, через двухметровый частокол слоновой травы. В трех милях начинается территория Конго — границы тут, конечно, нет, и из леса можно попасть в два государства.

Из шалашей выбежали пигмеи

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ В МИРЕ

■ Как же отыскать в этом зеленом океане, в этом первобытном буйстве природы маленьких пигмеев, которые не имеют к тому же постоянных поселений? Проводник-африканец показывает влево. Там, на отвоеванной у леса поляне, стоят несколько круглых соломенных хижин. Селение племени муконджо.

— Где найти пигмеев? — переспрашивает нас воин муконджо. — О, они совсем близко. Вам повезло — несколько семей пигмеев пришли сюда из Конго всего две недели назад. Они собирают для нас бананы, а за это мы отдаем им каждую третью гроздь бананов и в придачу наконечники для стрел.

И снова — в путь. Через лес Итури. Из жестких, перистых зарослей бананов вдруг проглянуло несколько шалашей, свитых из веток магнолий и банановых листьев «Бусаале», — сказал наш добровольный провожатый. На языке муконджо «бусаале» значит «пигмеи».

Из хижин-шалашей выбежали навстречу неправдо-

**Советские значки впервые попали
к самым низкорослым людям земли**

подобно маленькие мужчины, женщины, старики. Ростом они с десятилетнего ребенка — не выше 135 сантиметров. А дети — это же сказочные мальчики с пальчики и девочки-дюймовочки. В каждой семье по трое-четверо ребят.

Подхожу к одной из древних старух. Рассчитываю узнать возраст долгожительницы. Провожатый переводит ее ответ: «Мне двадцать лет». Неужели пигмейки кокетливо преуменьшают годы? Нет, тут, как оказалось, дело проще. Карлики просто не знают своего возраста и говорят первую попавшуюся цифру.

Пигмеи эфе — они называют себя бамбути — с гордостью показывают тяжелые луки, обтянутые кожей обезьяньих хвостов. Нелегко, наверно, достаются племянам вот эти охотничьи трофеи — шкуры пантер или хобот слона. Ведь пигмеям неизвестны ружья. И они в отличие

от других племен не смачивают наконечники стрел модельным растительным ядом. Я спрашиваю: как они охотятся на слонов?

Проводник из племени муконджо, который переводит рассказ пигмеев, смотрит на них с суеверным страхом. Ведь редкие племена отваживаются вступать в схватку с могучим царем лесов, саванн и зеленых холмов Африки. А бамбути выходят на свой промысел группой в два-три человека.

Они выслеживают слонов, передвигаясь по кронам деревьев. (Я отмечаю про себя, что у этих «лесных людей» не случайно такие непропорционально длинные руки). Главное, рассказывают бамбути, это подкрасться к одинокому спящему слону. Копье с острым наконечником мгновенно вонзается под колено задней ноги и перерезает сухожилие. Охромевший, разгневанный слон долго будет метаться, но пигмеи уже скрылись в кроне деревьев. И затем начинается самое страшное. Надо еще раз подобраться к раненому гиганту и перерезать сухожилие второй задней ноги. Тогда слон истечет кровью и станет добычей всего племени. А если чуткий слон проснется раньше, чем к нему подкрадется охотник-пигмей?

На этот вопрос не надо отвечать. Не случайно в селении женщин гораздо больше, чем мужчин. Во многих шалашах нет хозяев — здесь живут вдовы и сироты. Амулет погибшего надевает его брат или сын, ему же достается копье — и он идет добывать мясо для женщин и детей.

Да, ловкости и силе бронзовокожих карликов могут позавидовать не только европейцы, но и рослые африканцы.

Столетия, проведенные в отрезанном от мира лесу Итури, законсервировали древние обычаи. Пигмеи бамбути до сих пор едят мясо зверей чаще всего сырым, используют примитивные орудия и утварь. Они ничего не знают об окружающем их большом мире.

Все три племени пигмеев — а в них до 30 тысяч человек — считаются гражданами Конго, хотя часть из них живет в Уганде. Впрочем, сами пигмеи не знают, в каком они сейчас государстве. Нынешним правителям Конго, разумеется, нет никакого дела до этих племен. Врач и учитель никогда еще не появлялись в лесу Итури.

И все же уклад их жизни меняется. Причин тому несколько. Пигмеи жалуются, что все меньше становится непуганой дичи, все чаще в джунглях звучат выстрелы европейских охотников, выбивающих и распугивающих слонов, буйволов, зебр и импал. Добыча пигмеям дается все трудней, и бамбути на недели, а то и месяцы — особенно в сезон сбора плодов — прикочевывают к опушке Итури, поближе к селениям муконджо и других рослых племен.

Раньше они только выменивали шкурки на топоры, ножи, глиняную посуду. Теперь — подолгу работают «исполу», заготавливая бананы на плантациях муконджо, собирая плоды и корни. Обычно стоянка бамбути удалена на 2—3 километра от селения муконджо. Пигмеи охраняют от посторонних глаз свои обычаи, а племена-патроны не вмешиваются в мир бамбути. За одним-единственным исключением. Женщин-пигмеек все чаще берут в жены мужчины-муконджо, баконджо, да и другие банту. Мне не удалось выяснить, платят ли они какой-нибудь выкуп за невесту, но пигмеек никто не похищает, их отдает клан. Видимо, тут играет роль и преобладание женщин в пигмейских семьях и возможность избавиться от лишних ртов. А у рослых племен есть свои основания для смешанных браков с бамбути. Микроорганизмы, которые содержатся в водах Нила, Конго и многочисленных озер, приводят к бесплодию женщин. В Уганде и Восточном Конго много бездетных семей. Поэтому все чаще берут в жены пигмеек.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ КОЛДУНОВ КАМПАЛЫ

Я застыл от неожиданности. Передо мной был африканский колдун. Как я узнал, что это колдун? По плодам колбасного дерева. Рядом с кожей змей и варанов, с живыми, но уже полуобщипантыми грифами, рядом с хвостами неизвестных зверей колдун разложил на тротуаре ломтики плодов колбасного дерева.

Еще в Кении я был зачарован высоким стволом с буйной кроной, с которой на длинных нитках, как в фирменном магазине, свисали продолговатые светло-коричневые плоды — ну, прямо аппетитные колбасы. Заметив огорчение, с которым я узнал, что они несъедобны, проводник рассказал, как ценятся эти плоды у колдунов.

У колдунов? С того дня, где бы я ни был — в рыбацьем поселке у Индийского океана, на Белом Нагорье в Кении, в далеких селениях Уганды, — повсюду я спрашивал про колдунов-знахарей. Но охотников познакомиться меня с чародеями не оказалось. Кое-где черная и белая магия запрещены законом, да и зачем заезжему туристу показывать то, чего одни боятся, а другие стесняются.

И вот вдруг — эта встреча на рынке столицы Уганды, встреча с всамделишным колдуном.

Первый в моей жизни колдун не был похож на своих литературных прототипов. Воспитанный на Черноморе и старике Хоттабыче, я, видимо, уже с детства имел превратное представление о чародеях. Оказалось, что роста они самого среднего. Движения замедленные, колдуны явно с ленцой, одеты, как и другие мелкие торговцы, — в цветастые рубашки не первой молодости. Колдун уви-

дел во мне покупателя и, блеснув белками, предложил для начала перо, напоминающее куриное.

— Для чего оно?

Добровольный переводчик сообщает мне уже по-английски — сам колдун говорит только на языке луганда, — что это перо привораживает девушек. Заплатив всего десять шиллингов, я могу быть уверен, что выберу лучшую невесту.

— А перо этих заколдованных грифов, которых я выращиваю уже три года, — продолжал чародей, — изгоняет злых духов.

При этом колдун показывает на полуобшипанных длинношеих птиц. Видимо, этот товар идет особенно ходко.

— А из чего сделано это снадобье?

— Из дерева.

— Из какого?

— А вот это уже секрет.

— Секрет так секрет. А для чего тут заячий хвост?

— Это талисман на счастье. Если обернуть его в луб и носить с собой, то любое твоё желание исполнится. Цена сходная — восемь шиллингов. Могу уступить за шесть.

— А экзамены можно с ним сдавать? — спросил я, вспомнив похождения Абдурахмана ибн Хоттаба.

— Конечно.

У колдуна-коробейника есть и лекарства от всех болезней. Вот эта трава изгоняет хворь из живота, эта глина — от простуды.

Сколько веков такие вот африканские шаманы со своими кожами, перьями и тамтамами были в африканской деревне всем — и прорицателями, и лекарями, и акушерами, и судьями. Уходит древнейшая профессия — и пусть ее поскорей уходит.

В африканских газетах я прочел о чрезвычайном съезде кенийских колдунов. Знаете, что они решили? Порвать связи с духами и заняться общепольным трудом. Самое время!

А что же мой колдун? Он-таки сторговал мне глиняную примочку от прострелов. И, чрезвычайно довольный сделкой, даже назвал свое имя: Чэллис Лубеге. Прощай, Чэллис Лубеге, осколок старой колониальной экзотики, последний из колдунов Кампалы.

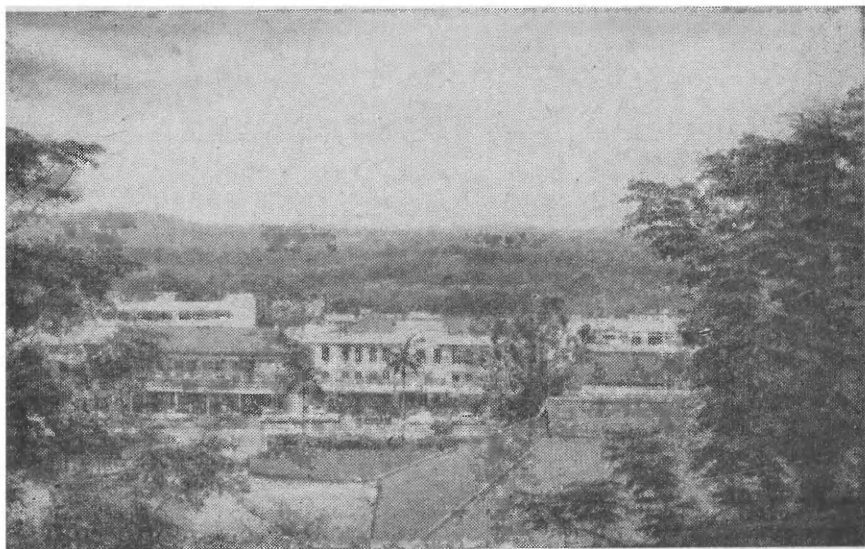
ЖЕМЧУЖИНА АФРИКИ

Ее называют «Пэл оф Эфрика» — жемчужина Африки. Называют так за перламутровую гладь озер, за синеву дремучих, девственных лесов. За чаши вулканов, за агаву в банановом лесу, за баобабы, на которых ночуют желтогривые львы, за последних из сохранившихся на земле белых носорогов. Их осталось сорок восемь в папоротниковых чащобах озера Альберта. Нигде больше не увидишь мирно отдыхающих на спинах бегемотов розовых фламинго или ткачиков, залетающих и выпархивающих из раскрытой пасти крокодилов.

Не представишь себе Уганды без грациозной, пугливой импалы, давшей имя столице — городу Кампала. Без неотразимого в своей царственной диадеме венценосного журавля, который изображен на государственном флаге.

И еще называют Уганду жемчужиной Африки потому, что она дает лучшие в мире кофе и шерсть, потому, что в мускулах ее рек скрыта исполинская сила, потому, что в ее красной от бокситов земле есть еще и ванадий и медь.

Несколько лет назад Уганда была жемчужиной в британской короне. Теперь это — независимая республика. До недавнего времени президентом республики Уганда был... король. А всего в республике четыре королевства и пять королей. В самой столице находится дворец кабаки (короля) Буганды. Как король, этот сорокалетний человек именуется Мутеса II. Как президент, он назывался сэр Эдвард Мутеса. В Уганде существует политическая партия «Кабака екка» — «Да здравствует король».

Столица «жемчужины Африки», город на семи холмах — Кампала

Довелось мне побывать и в трех других королевствах Уганды — Торо, Буньоро, Анколе. Существование королевств в свое время усиленно поддерживали британские колониальные власти. Ведь некогда король Буганды помог англичанам подавить восстание в Буньоро. В награду кабака получил два округа соседнего, непокорного королевства. С тех пор не прекращаются ночные налеты, поджоги, на спорной территории идет необъявленная война двух королевств. Я видел следы этой старой колониальной тактики — «разделяй и властвуй», проезжая по земле Уганды. Спаленные плантации, обугленные деревни, разоренные, заброшенные поля...

Пожалуй, даже английские плантаторы на Белом Нагорье в Кении не имели таких владений, как феодалы в Уганде. Британские колониальные власти закрепили за королем Буганды сто тысяч гектаров земель. Все его приближенные получили крупные поместья, освобожденные от налогов. И теперь феодалы Уганды отчаянно цепляются за свою собственность, поднимая один мятеж за другим против центрального правительства страны. Королю Буганды, Мутесе II, который бежал в Лондон, запрещен въезд в Уганду.

Исторически сложилось так, что почти вся внутренняя торговля восточноафриканских стран оказалась в руках выходцев из Индии. Индийцы составляют костяк молодой национальной буржуазии, и они оглично сознают, как сковывает Африку экономическое засилье Запада. Заместитель мэра Кампалы индиец Патэй рассказывал мне о блестящих перспективах Уганды, о пятилетних планах развития, которые сулят процветание стране. Но ведь империализм, с горечью сказал Патэй, сдавливают нас своей финансовой, экономической петлей.

Уганда продает Западу фунт кофе за 65 центов, а ввозит его по цене 6 шиллингов. Представляете, в 10 раз дороже платить за свой кофе только потому, что его обработали в Лондоне или Бостоне. Все международные компании наотрез отказались помочь Уганде построить свою фабрику по переработке кофе. Я сам, говорит Патэй, ездил в Лондон и Женеву, вел переговоры с западноевропейскими компаниями, сулил им золотые горы, но получил отказ. Наш министр финансов вылетал в Вашингтон, и там фирма «Америкэн фрут» отвергла выгоднейшее предложение. Это — заговор с целью вечно наживаться за счет Уганды, обескровить ее, выжимая миллионные доходы, лишить ее собственной промышленности. Главное богатство Уганды — кофе и шерсть — приносит доход не ее народу, а западным монополиям.

Наиболее дальновидные представители индийской общины в странах Восточной Африки видят выход в объединении антиимпериалистических сил. Но многие торговцы-индийцы по-прежнему остаются агентами западных монополий, их подрядчиками, их приказчиками. Африканцы, особенно в глубинных районах, порой и не видят европейцев, для них средоточием зла стали именно индийские лавочники, владельцы фабриченок и кафе. В Уганде, как и в Кении, очень сильны антииндийские настроения, которые ловко используют как громоотвод западноевропейские и американские монополии. Они надеются обратить взрыв социального недовольства против лабазников-индийцев, а заодно и против всех выходцев из Индии, в том числе пролетариев.

А взрыв назревает — и стремительно. Причем самый горючий материал — огромная армия «отходников», африканских «перекати-поле», батраков, вынужденных искать и находить хозяина вдалеке от родины, от семьи.

В селении Лугази, в Уганде, я встретил батраков из Руанды, Кении, Малави...

В селении Лугази, в Уганде, на сахарной плантации индеец Мехта я встретил батраков из Руанды, Кении, Малави. За двенадцатичасовой ежедневный труд на плантации работник получает всего 60 шиллингов в месяц. Это совсем мало. И владельцам приходится вербовать батраков не в Уганде, а в других странах. Там, где совсем нет работы. И вот за сотни километров бредут люди на заработки. Чтобы из скудной платы выслать хоть крупицу домой, голодающей семье.

Двадцатичетырехлетний Калоли Нжикабайзе сказал: — Я хочу скопить денег, вернуться домой и жениться.

И еще хочет Калоли, чтобы в Африке появились заводы и кооперативы, где бы потребовались его руки.

ДВА ЦВЕТА АФРИКИ

Нестерпимо красная, замешанная на бокситах земля Африки. Красные термитники вдоль дороги — как мечети. Кусты с красными бутонами распускаются, взмахивают крыльями и превращаются в птиц с длинным огненно-красным хвостом. Двумя самыми яркими красками расцветила природа Африку. Край красной земли и зеленых холмов. Цвет страдания и цвет жизни, зелени и крови. Заметили ли вы, что на флагах большинства молодых африканских государств есть красный цвет? Мне объяснили, что это символ. У людей разный цвет кожи, но один цвет крови.

И эта кровь стучит в виски, когда твоя родина в цепях, эта кровь закипает в жилах, когда людей превращают в рабов. Много, слишком много крови пришлось пролить Африке, чтобы утвердить свое человеческое достоинство. И еще не все мины обезврежены, не все засады распознаны.

Эту книжку очерков я начал с рассказа об обычаях, о легендах, об экзотике. Я не видел на других континентах таких незабываемых, ярких картин, такого быта и искусства. Впрочем, наверное, не стоит публично объясняться в любви, даже если это любовь к Африке. Но как часто за экзотикой, за масками и тамтамами непрощенные колониальные патроны хотят скрыть боль, муку, горькую судьбу Африки. Как им не терпится представить африканцев в виде «детей природы», которым ничего не надо от судьбы. Обескровив Африку в трюмах невольничьих бригав, в концлагерях и тюрьмах, похищая ее природные сокровища, они хотят обокрасть Африку духовно, лишить ее будущего, они пытаются, подобно

первым корсарам эпохи работорговли, выменять свободу на безделушки.

Никогда не забуду одной сцены, поразившей и равившей меня. У богатого отеля, расположенного в живописнейшем месте — в верховье Нила, появился вдруг африканец. Он был в леопардовой шкуре, с копьем и со щитом, в диадеме, усаженной страусовыми перьями. Прохаживаясь вдоль террасы он временами изображал битву, прыгал, «убивая» воображаемого буйвола. И тут же, изловчившись, подхватывал шиллинги, которые бросали с террасы американские и западногерманские туристы. Это была дешевая оперетта. Я видел перед тем, как юноши-туркана посвящаются в мужчины. Этот праздник включает в себя своеобразную корриду. Молодой туркана должен поразить разъяренного быка копьем, причем поразить в первый и последний раз в жизни, потому что для туркана домашние животные священны. Видимо, кривлявшийся перед отелем и изображал посвящение в мужчины. И пока его фотографировали пресыщенные любители «экзотики», в ста метрах от гостиницы другой африканец зарабатывал на жизнь тем, что добывал крокодиловую кожу. Он выскивал хищника, смыкал ему челюсти и топил. Именно топил, не давая ему дышать. Но эта экзотика — не напоказ, это — будни Африки, тревожные, удивительные.

Не оперетта, не водевиль с переодеваниями, а суровая драма, часто трагедия разыгрывается в Африке.

МИНА ВЗРЫВАЕТСЯ

Лука Овонде ушел из суданской деревни Апа-Апа последним из мужчин. Давно уже отправились на заработки соседи, а Лука все на что-то надеялся. У него был участок в 200 акров, и оба сына-погодки (старшему уже 12) помогали отцу. Но не было семян, не было даже мотыги. Урожай кукурузы, проса и земляного ореха не хватало самой семье, а чиновники из Хартума исправно прибывали за налогами.

Когда от недоедания свалился младший сын, Лука решился. Он покинул свою страну и отправился на заработки в Уганду. Деревня Апа-Апа лишилась последнего взрослого мужчины.

И вот он рассказывает о своем горе, шестидесятилетний седобородый африканец-нилот. Широкополая шляпа затемняет его глаза, глаза, в которых застыли обида и боль. Он теперь оператор по очистке сахара в угандийском городке Лугази. Из ста шиллингов своего месячного заработка семьдесят он пересылает семье.

Но что они могут сделать без него, жена и двое мальчишек? «Я бы так хотел, сэр, вернуться в Судан, домой, к земле», — тихо говорит Лука.

...Хиллари Аллаханджи всего 15 лет. Он бежал из Судана вместе с родителями, которым угрожала тюрьма. Военный диктатор генерал Аббуд сделал по давлению nilотских племен Южного Судана государственной политикой. Родители Хиллари добивались для африканцев доступа к образованию, к государственной службе, — словом, они отстаивали равноправие nilотов. И должны были поплатиться...

Аллаханджи узнали о грозящем аресте за несколько

«Я бы так хотел вернуться в Судан, домой к земле...»

часов — и успели уйти из своего дома в городе Джуба. Два дня спустя контрабандисты перевели их через границу.

Узнав, что я через неделю буду в Джубе, на его родине, Хиллари меняется в лице. Его ладони намертво прилипают к глазам, к щекам. Что ему видится сейчас? Друзья, с которыми он идет по камышовым зарослям, пугливая девочка с ожерельем из ракушек? Не надо было мне ничего говорить. В свои 15 лет мальчик несет несказанную муку. Он поражен одной из самых страшных болезней, какие существуют на свете, — ностальгией, тоской по родине.

Там, где сливаются Белый и Голубой Нил, встал красавец Хартум

ТРАГИЧЕСКИЙ ОТБЛЕСК ДЖУБЫ

■ Так, еще не побывав в Судане, я столкнулся с трагедией народа этой страны. А потом за нами, за небольшим самолетом суданской авиакомпания, бежал, нагоняя и опережая, Нил. Временами он исчезал, растворяясь в зелени, которая почему-то отражала солнечные блики. От горизонта до горизонта был невидимый Нил, заросший, заболоченный, необъятный. Нубиец-стюард показывал на гигантские зеленые массивы: «Видите эти плывущие острова, сотканые из камыша и папируса? На них часто укрываются отряды повстанцев».

А в Джубе — военное положение, комендантский час. Взвод — в аэропорту. Марширующие колонны — на улицах Джубы. Я не смог даже исполнить просьбу Хиллари Аллзханджа: побывать у домика, где он жил («такой заметный, ярко-синий, с садиком, там, наверное, поселился какой-нибудь капрал»). Нестрепимо знойный, с потными подтеками болот, главный город, точнее городок, Южного Судана производил странное впечатление. Он жил под прицелом автомата. Базар, довольно многолюд-

ный, был как в немой киноленте, начисто лишен звука и цвета, которые поражали в других городах. «Недавно мятежники обстреляли комендатуру», — эти слова полисмена были единственным упоминанием о невидимой линии фронта, проходящей через город.

И только в Хартуме удалось сбросить тягостное ощущение. Туристам показывают экзотическую столицу Судана. Там, где сливаются Белый Нил — Бахр эль-Джебель и Голубой Нил — Рахад, встал красавец Хартум — удивительно красочный, поражающий синевой минаретов, жгучей зеленью пальм и колбасных деревьев, броским апельсиновым цветом дворцов и шоколадными тонами глинобитных хижин, желтизной многочисленных такси, белизной арабской одежды и иссиня-коричневыми телами нубийцев.

А вечером мне открылся иной Хартум — замерший таинственный, затемненный. Пролетели в сумерках к Нилу стаи птиц, погасли огни — уличные торговцы сидят при свете газлиновых коптилок. Зазывалы-кондукторы приглашают в автобусы последних пассажиров. Заиграл на рожке мальчишка. Потом он улегся на тротуаре — ему некуда идти. Сотни людей спят в Хартуме на улицах. «Привилегированные» места — их занимают с раннего вечера — скамейки на набережной Рахада.

Как-то трудно было оторвать друг от друга два суданских порога, вставших на берегах Нила, — Хартум и Джубу. Юг бросал свой трапический отблеск и на Хартум, его печаль звучала в рожке арабского мальчика, его крик эхом отдавался здесь, в таком волшебном и таком неустроенном городе.

Один из студентов Хартумского пригорода — Омдурмана — сказал мне: «Мы попали в засаду. В этом все дело». Этот студент — нилот, он южанин.

УКУСЫ СКОРПИОНА

■ На юге Судана живут четыре миллиона нилотов, на севере — около восьми миллионов арабов. На севере господствует ислам, на юго — христианство и древние африканские верования. Различны языки, культура, различен цвет кожи. Англичане, много лет владевшие Суданом, сознательно раз-

жигали вражду между Севером и Югом. Они прервали связи между Хартумом и Джубой, объявили Юг закрытым районом. Северян англичане убеждали в том, что нилоты — это полудикие люди способные только прислуживать, что южные провинции можно использовать лишь как место ссылки заключенных. Южанам внушали, что все их беды идут от арабов.

Трижды Англия пыталась расколоть Судан еще до независимости.

Когда британские колониальные хозяева вынуждены были убраться из Судана, они подложили в фундамент страны мину замедленного действия. Причем обезвредить ее было еще трудной, чем те минные поля, которые колонизаторы оставили в Алжире. Этой политической миной была искусно подогретая рознь между населением Севера и Юга. Военная диктатура, захватившая власть в независимом Судане, поддалась шовинистическому угару. Чиновники из Хартума обирали нилотов. Купцы с Севера ввели ростовщическую кабалу, малейшее недовольство сурово каралось.

Наместник диктатуры Шарафеддин заявил в свое время: «Для того, чтобы ввести в Судане единый язык и культуру, мы готовы истребить три четверти населения Юга».

Более пятидесяти тысяч южан бежало из страны. Среди них — те двое, Овонде и Аллахандж, которых я встретил в Уганде.

Первые партизанские отряды появились в плавнях Нильской долины в 1955 году, еще до провозглашения независимости Судана. Повстанцы племени мади создали свою вооруженную организацию «Анья нья» — так называют здесь скорпионов. Укусы были чувствительными, и суданские генералы бросили на Юг десятки тысяч солдат.

Так сработала политическая мина, подложенная колонизаторами, так оправдался их расчет на то, что междоусобная борьба приведет Судан в объятия империализма. И действительно, военная диктатура не только широко распахнула двери западным монополиям, но и предала освободительную борьбу конголезского народа. Судан стал как бы санитарным кордоном, которым Запад отделил борющееся Конго от его африканских друзей.

Но осколки взорвавшейся мины поразили саму военную диктатуру. Народная революция 21 октября 1964 года началась с демонстрации в поддержку южан. Движение рабочих и студентов слилось с борьбой нилотских племен, и под их натиском рухнул режим генерала Аббуда. Но за считанные месяцы трудно избавиться от напластований многих лет. Вооруженная борьба на Юге продолжалась. Часовой механизм старой колониальной мины вновь заработал. Трагедия заключалась в том, что теперь, в изменившейся обстановке, восстание южных племен могло нанести вред самому населению Верхнего Нила. Ведь отделение от Судана и создание нилотского государства «Азания», чего так добивается Запад, отдало бы Юг полностью в руки империалистов.

В саванне Южного Судана, в плавнях Верхнего Нила, в горах Аманг идут сражения, идет братоубийственная война.

Такие же мины подложены под независимую Нигерию, Уганду, Конго, Гапу, Кению — повсюду, где только складываются нации, где можно погреть руки на племенных распрях, где империализм выступает «третьим радующимся».

БЛАГОРОДНЫЕ ЗАКОНЫ ДЖУНГЛЕЙ

У Индийского океана Африка — это плоскогорье, снег на экваторе, стада могучих зверей, безлесные холмы, там же, где вырос лес, он больше похож не на джунгли, а на мшистую прохладную кедровую тайгу на нашем горном Алтае, у Телецкого озера. А около Атлантики Африка совсем иная. Влажная, мягкая, знойная, очень «африканская».

Западная Африка — это непреступные, сказочные джунгли источающие хмельной аромат, таинственные днем и оживающие волшебным хором цикад и тропических птиц ночью. Это — пена бешеного океанского прибоя. Это — африканские модницы — кокосовые пальмы, плантации какао.

Западная Африка — это городские базары, вобравшие в себя все известные миру краски, запахи и звуки; натюрморты из самых диковинных фруктов, рыб, моллюсков; лотки с кокосовыми орехами или ананасами, укрепленные на головах африканских женщин — грациозных, с походкой цариц.

Зеленое буйство природы, земля, обласканная солнцем и напоенная неистовыми ливнями, щедрые дары тропиков. Дары? Ну нет.

...Маленькая деревенька в Западной Нигерии, прилепившаяся на опушке джунглей. Густой влажный воздух — хоть режь его ломтями — настоен на апельсинах. Мальчик-юла по имени Сони первым подкатывается к нам. А вот и его отец Оладеле — владелец нескольких фруктовых деревьев и маленькой плантации какао.

Каждое утро вся семья Оладеле уходит на эту плантацию. И темнота, стремительным коршуном ныряющая

с африканского неба на джунгли. застаёт ее еще за работой. Осмотрено, ощупано каждое дерево; не перекинулась ли на него страшная болезнь — вирулентная дробь, не завелся ли пожиратель плодов — долгоносик Оладеле — настоящий садовник. Он опрыскивает деревья, перебирает плоды, следит, как бы не проросли, не заплесневели, не прогнили какао-бобы, как бы не появились пятна на коже апельсинов. Он ежедневно отбивает натиск джунглей, душащих плантацию объятиями лиан.

Нельзя ли расширить плантацию? Оладеле грустно улыбается: кто говорит, что нельзя. Надо только иметь деньги и машины. У Оладеле, да и у всех, кто живет в деревеньке Бэлоган, нет ни того, ни другого. Ведь расчистка одного гектара джунглей обходится в 75 фунтов стерлингов.

А 75 фунтов — целое состояние. Если Оладеле повезет и он уберет свой урожай от всех напастей, у него будет пять-шесть мешков какао-бобов — маленьких зернышек, которые вся семья неделями извлекает из крупных желтоватых плодов. Год назад Оладеле получил бы за изнурительный труд 30—35 фунтов. А в этом году он едва заработает 25. Оладеле качает головой. «Скупщики сказали, что на мировом рынке цены на какао понизились. Знать, кому-то показалось, что у нас в джунглях слишком высокие доходы».

— А бананы и вовсе сгниют нынче, — горестно размышляет Оладеле, — агенты компании наотрез отказались скупать их даже за бесценок. Я не разбираюсь в мировых ценах, но знаю твердо: мне теперь уже никогда не удастся переселиться в новую хижину и послать детей в среднюю школу.

Сони и его большеглазая сестренка Кристина прижались к отцу.

Совсем по-взрослому, трогательно успокаивал Сони отца: «Нас ведь может послать в школу деревня».

— Да сынок. Конечно, сынок, — Оладеле накрыл ладонью курчавую головку. И объяснил нам: — Есть у нас, жителей джунглей, обычай — раз в году жертвовать часть урожая обществу. Мы продаем его, а на выручку посылаем учиться самого способного мальчика или девочку из этого селения. У нас, в джунглях, существуют очень хорошие, благородные обычаи и законы, потому

что без взаимной выручки в беде, без гостеприимства и чувства родства мы не выстояли бы.

Благородные законы джунглей... Да, именно так выразился Оладеле, нигерийский крестьянин. Хорошие, человеческие законы джунглей. Есть и другие законы, их принесли в Нигерию колонизаторы. Это звериные законы наживы и грабежа, расизма и разбоя. Капиталистические джунгли с их правом сильного — вот главный враг Оладеле и его соотечественников. Ведь разоряет их, похищает плоды их труда «Юнайтед Африка компания» — могущественная английская монополия, сказочно разбогатевшая на грабеже африканцев.

Это агенты «Юнайтед Африка» оставляют гнить бананы и апельсины, сулящие компании невысокие прибыли. Зато они охотно скупают за бесценок какао-бобы, чтобы отправить их в Англию и затем втридорога продать какао тем же африканцам. Нигерия, второй в мире производитель какао-бобов, вынуждена закупать — и где? — в Англии какао и шоколад. Все по закону — по закону империалистических джунглей.

...Как бы ни отличалась природа Западной Африки от Восточной и Северной, а судьбы у ее людей в сущности одни. Даже колониальные хозяева были общие. И работорговцы в одно и то же время охотились за кенийцами Момбасы, ганцами у Кейп-Коста и нигерийцами у берега, который так и был назван Невольничьим. Народы Судана, Кении, Ганы, Нигерии прошли через одни и те же испытания.

МИНУТЫ, ОТЛИТЫЕ ИЗ СВИНЦА

Имя у речки совсем русское — Ива. А отражаются в ней не плакучие ивы, а взъерошенные кокосовые пальмы, неприступные исполины — бархатные деревья. После полноводного, экзотического Нигера Ива не смотрится. И все же именно ради нее проделан путь в восемьсот километров от столицы в глубь Нигерии.

Речка дала имя шахте. «Ива вэли майнз» — «Рудник долины Ивы». Вдоль реки — полотно узкоколейки. Слева — бетонная стена, справа — обрыв.

Идем вдоль полотна. Возле тяжелых, выщербленных балок мои спутники останавливаются, снимают шахтерские каски. Оспинки изрыли дерево, изрешетили камень. Свинец.

— Это случилось здесь.

Хизекайя Уба, как и другой ветеран Оду Озуде, как почти все горняки шахтерского города Энугу, говорит только на языке ибо. Переводит на английский служащий шахты — Экеово.

— Это произошло здесь, — повторяет Уба. — Тут был вход в шахту. Теперь его завалили, но тогда тут был вход. Они залегли на том берегу Ивы, на крутом склоне.

Экеово поясняет: «они» — это английские солдаты. Каратели.

— А мы, горняки, стояли здесь. Первый раз в жизни мы никуда не спешили, не торопились нырнуть в черный склеп, чтобы провести там тринадцать часов. В тот день, 19 ноября 1949 года, в языке ибо появилось новое слово — «забастовка».

Оду Озуде дополняет рассказ Уба:

— Нам, горнякам-африканцам, за каторжный труд

В этот день, рассказывает Хизекайя Уба, в нашем языке появилось новое слово — «забастовка»

платили меньше трех шиллингов в день. Если бы мы были рабами, то и тогда хозяевам-англичанам пришлось бы тратить на наше питание значительно больше. Наши семьи и мы сами пухли от голода. Мы пришли в город Энугу, к зданию правления шахт — Уди Сайдинг холл. Все, что мы требовали, это хоть немного повысить нищенскую плату. Хозяева прогнали нас. Тогда все семь тысяч горняков Энугу решили не спускаться в шахты.

...В три часа взвод английских солдат из колониальных войск залег на крутом берегу Ивы. И как раз напротив, вот здесь, где мы стоим сейчас, собрались безоружные шахтеры. Они хотели изложить свои требования управляющему «Ива вэли майнз» англичанину Гардлу. Он вышел к ним. Вернее, поднялся во весь рост на том, другом берегу Ивы и прорычал: «Или вы очистите вход в шахту сами, или я прикажу стрелять».

Хизекайя Уба склонился над камнем, припомнив какой-то страшный миг из той трагедии. Потом повернулся лицом к крутому склону Ивы:

— Первым выстрелил английский офицер. К моим ногам рухнул Озоани — мой друг, отец четырех детей.

Время распалось на секунды. Залп. Стоны. Оцепенение прошло. Сколько надо солдатам секунд, чтобы перезарядить винтовки? Куда броситься — на трехметровую стену или с обрыва, в Иву? Новый поток свинца. Каменная дробь, брызги щепы. И уже потом — кровь. Три минуты свинца, три минуты... Из двухсот горняков восемьдесят остались лежать у входа в шахту. 21 человек больше уже не поднялся с земли. Голубая Ива стала бурой.

— Скажите, в России бывало такое? — спрашивает Бенсон Эмека. Он теперь профсоюзный вожак рабочих Энугу.

— Да, Бенсон. У нас есть река Лена, где много лет назад так же расстреляли рабочих рудников. И хозяевами там были английские фабриканты.

Экеово переводит ответ. Шахтеры обступают нас, жадно расспрашивают о ленском расстреле, о революции, о нашей стране. Ведь здесь, на Иве, они никогда не встречали советских людей.

Бенсон рассказывает:

— Залпы карателей пробудили всю Нигерию. Через три дня после расстрела в долине Ивы произошли столкновения с полицией в городе Оверри. Еще через день демонстранты в Аба забросали камнями помещения английских фирм, и войска дважды стреляли по африканцам. Тринадцать раз открывали огонь по манифестантам жандармы Порт-Харкорта. А 26 ноября войска разогнали собравшихся рабочих в Ониче и Калабаре. Грандиозный митинг в Лагосе, всеобщая стачка транспортных рабочих, забастовка 45 тысяч рабочих оловянных рудников... Это было восстание народа против британского владычества.

...Навстречу нам шел состав, груженный углем. Вдруг паровоз затормозил. Вагонетки, перестукиваясь и скрежеща, остановились. Припудренный угольной пылью и оттого казавшийся особенно черным, машинист высунулся по пояс наружу, взглянул на часы и застыл.

Все мои спутники тоже застыли с шахтерскими касками в руках. Было пять часов дня. Каждый год 19 ноября в это время замирает Энугу. Три минуты молчания. В память о тех, кто остался здесь со свинцом в груди. И тех, кто отдал жизнь в других горо-

дах, в других селах Нигерии. В честь героических борцов за свободу Африки.

Минуты, отлитые из свинца. Минуты скорби и клятвы в верности. Много лет эти ежегодные три минуты отмечались тайком. И только теперь по призыву профсоюзов Нигерии трудящиеся открыто чтят память жертв колониализма. Когда мы стояли в долине Ивы, замерли локомотивы и суда, станки и автобусы по всей стране.

Еще не сооружен памятник горнякам Ивы. Шахтеры Нигерии только начали сбор средств. Скоро здесь, в долине, где рождалась будущая независимость нигерийского народа, появится монумент свободы.

НА ПЕРЕПРАВЕ

Я хочу рассказать о чудесном, мечтательном племени африканских мальчишек. Как ни отличаются друг от друга Конго, Нил и Нигер, ребята повсюду одинаковы. В Кении, в городке Томсон-фоллз, что на самом экваторе, я познакомился с братьями Мурумби. Два юрких, улыбочивых человечка — Филип и Джозеф — сразу похвастались: «А наш отец — главный на электростанции». И потащили меня вниз, в каньон, где маленькая речушка образовала великолепный водопад Томсон-фоллз, давший городку имя и туристов.

Перепрыгивая через камни-ступени, мы домчались до деревянного сарая. Это и была электростанция, питавшая током одно-единственное здание местной гостиницы. Отец Филипа и Джозефа — неграмотный механик-самоучка — был единственным рабочим на этой «электростанции». Он ласково потрепал головки сыновей и сказал мне: «Они увидят здесь когда-нибудь настоящую гидростанцию».

И вспомнилась мне встреча на другой реке, в другой стране, с другим мальчишкой.

...Кину — так называют на Нигере пирогу — скользила против течения. Вот она поравнялась с паромом, и мы увидели женщину с ребенком на коленях. Он прыгнул к материнской груди, а африканка осторожно, плавно перебрасывала остроконечное весло, вонзая его в упругую зеленоватую воду.

Паром вышел на середину реки. На западном, оставленном нами берегу мерцающими, переливающимися угольками угасал костер заката. А на востоке небо еще пылало, одно за другим занимались вечерним пожаром облака.

Паром коснулся берега, вздохнул, замер...

Дюшаб — большеголовый мальчишка — пристроил около нас корзину, из-за которой его едва было видно. Мы познакомились с ним еще на берегу, томясь в ожидании парома. Мы знали о нем, кажется, все. И что отец послал его сегодня на рынок в Онитшу, где придется ему заночевать у родственников. И что давно пора им всей семьей переселиться на левый берег Нигера. Там базар, там у Дюшаба целая ватага двоюродных братьев и сестер. Но отец говорит: рано. За рекой надо платить за школу с первого класса: там уже Восточная область Нигерии и другие законы. А здесь, в Западной области, платят только с седьмого класса.

Знали мы, что Дюшаб мечтает стать инженером. Нет, он не видел еще ни одного живого инженера. Торговцы богаче? Ну и что! Он же сказал, что хочет быть только инженером.

Разговор тогда прервался — подошел долгожданный паром. Потом была суета, по ненадежному трапу машины въезжали на палубу, прижимались вплотную к борту, теснили людей. Мы потеряли Дюшаба. Но он сам пробился к нам, снял с головы корзину и примостился рядом.

Чтобы обратить на себя внимание, мальчик дотронулся до рукава.

— Видите, во-он тот мыс? Там будет настоящий мост через Нигер. И не придется вовсе ждать парома. Помолчал.

— А у города Каинжи Нигер совсем перегородят, слышали? Там будет станция, от которой свет пойдет по всей стране. Это чистая правда, нам рассказывал господин учитель. И не будет коптилок и лучин, всюду свет, как в домах белых. А еще та плотина запрудит Нигер, и будет вдоволь воды, чтобы поливать земли.

— Ты хочешь строить плотину, мост, электростанцию? Ты поэтому мечтаешь быть инженером, Дюшаб? Только по движению губ можно было угадать его «да».

Вот и исчезли прощальные блики заката, и лиловая завеса растворила лодки, смыла очертания берегов, прикрыла Нигер. Остались только блестящие мальчишечьи глаза. Паром коснулся берега, вздрогнул, замер.

...На каждом автобусе, съезжавшем с парома, был свой девиз. Мы читали: «Бог — вот единственная надежда бедных». А следом другой автобус. И новый лозунг: «Будущее покажет, на что мы способны».

На берег сходили женщины с привязанными за спиной детьми, рыбаки со снастями, крестьяне...

— Бабу найри! — звонко несется с берега.

— Бабу найри, Дюшаб! — отозвалось наше эхо. «Бабу найри» на языке йоруба значит «счастливого пути».

...Вот и скрылся Нигер, родилось новое утро, воскресла зелень саванн, на небе и в одежде нигерийцев царят две краски — белая и синяя. А из памяти никак не уплывает кину и африканка с ребенком, лиловое небо, опускающееся на серо-зеленую ртуть реки, два девиза — смиренный и гордый, гортанная скороговорка Дюшаба, его мечтательные глаза.

Дюшаб еще не знает, как ему будет трудно. Где возьмет отец сто фунтов в год, чтобы отдать его учиться в среднюю школу? А потом — платный колледж, затем сто фунтов ежегодно за право заниматься в университете... В Лагосе мы спросили первых встреченных нами студентов, кто их родители. Оказалось, что у од-

Их поколение преобразит Нигерию

ного отец — посол в Сьерра-Леоне, у другого — офицер полиции, у третьего — владелец рудника. А у Дюшаба отец — бедный ремесленник.

И все же Дюшаб сможет добиться своего, сможет. Их в Нигерии сейчас три миллиона, тех, кто сел за парты начальных школ, кто мечтает строить новую жизнь, полную света.

Сельский учитель Джогбода сказал мне:

— Я не видел еще таких любознательных, способных, упорных детей, какие пришли в мои классы. Поверьте мне, они добьются своего. Их поколение преобразит страну.

В шахтерском городе Энугу мы видели первую «вечернюю школу». Студенты бесплатно занимаются с детьми бедноты. Они-то понимают, как нужны Нигерии инженеры, врачи, учителя. Как нужны электростанции, рудники, свет и вода, знания и смелость.

Бабу найри — счастливого пути, Дюшаб!

И еще об одном я хочу рассказать — о том, что знают и чего не знают в Африке о Советском Союзе. Слишком долго всякое слово правды о нашей стране считалось в колониях тягчайшим преступлением. Помню, как недоверчиво всматривались в меня крестьяне кенийских деревень, школьники в королевстве Анколе, ремесленники в Южном Судане. У русских, по их представлениям, должен был быть красный цвет кожи («ведь вы красные»).

Конечно, в свободной Африке жизнью нашей страны интересуются, жадно выпрашивают, много читают, мечтают посетить Советский Союз, учиться в университете имени Патриса Лумумбы. И знаете, кто больше всего известен в Африке?

ГА-ГА-РИН

Уселения всего в пять хижин мы остановились. Земля словно отразила ночное небо Африки с золотой россыпью звезд. В траве мерцали, переливаясь, созвездия, галактики, млечные пути светлячков. Стояла такая густая темь, что казалось, во вселенной не было больше ничего, только эти неправдоподобные яркие тропические звезды — над головой и под ногами, да еще оглушительный, однотонный треск цикад.

Из темноты появился африканец. Мы спросили дорогу к городу Акуре. Африканец шофер повторил вопрос на языке ибо, потом на йоруба. Но житель селения отвечал скороговоркой, которую никто не мог понять. Да и чего удивляться — в Нигерии несколько десятков языков и нет таких полиглотов, которые знали бы их все.

Ну что ж, придется ехать наугад. На прощание протягиваем африканцу сувенир — открытку с портретом Гагарина.

Машина уже нырнула в тоннель, проложенный в джунглях, когда позади раздался призывный крик. Тормоза метнули нас вперед. Крестьянин нагнал машину и, размахивая открыткой, тяжело дыша — задохнулся от бега, — спросил: Гагарин?

Потом сел рядом с шофером, и мы поняли: он поедет с нами в ночь, за тридевять земель от своего селения, чтобы показать дорогу людям из страны Гагарина. Во всем мире не сыскать двух слов, которые бы знали и мы и он. Но одно нашлось — имя русского парня из Гжатска. Крестьянин — мы уже потом узнали, что зовут его Лэви Омородэн, что он принадлежит

к народу эдо, — счастливо улыбаясь, всю дорогу произносил на разные лады: Га-га-рин.

С того вечера портрет Юрия Алексеевича Гагарина мы закрепили за ветровым стеклом — и стал он нашей визитной карточкой. Город ли, селение, встреча на дороге — собираются люди у машины, жесты, взгляды восторженные, и на открытую, добрую улыбку Гагарина все отвечают такой же дружеской белозубой улыбкой.

А вот какую «космическую» сценку увидел я в столице Нигерии — Лагосе, в советском павильоне международной торговой ярмарки. Два мальчугана пристроились прямо на полу, рядом со стендом, посвященным нашим космонавтам. Лежала перед ними раскрытая тетрадь — обыкновенная, ученическая. Записывают? Заглядываю через их головы и вижу рисунок. С «натуры» — с большой фотографии Гагарина. Рисунок маленького нигерийца чем-то напомнил тот, что сделал Пикассо, — помните, Гагарин на фоне голубя мира?

Ребята перехватили мой взгляд, поднялись. Тот, кто рисовал, бережно спрятал тетрадь под майку. И спросил:

— Вы не знаете, кто этот дедушка, вон тот, с бородой? Он тоже космонавт?

И показал на портрет Циолковского.

— Этот дедушка первым заглянул в космос. Еще раньше космонавтов.

Мальчишка извлек из-за пазухи ученическую тетрадку и примостился у фотографии, взглядом художника всматриваясь в лицо калужского чародея...

СЛУШАЙ, ГАНА...

Слушай, Гана! — говорят тамтамы. Когда то они сзывали людей на митинги, на демонстрации, на стачки — на борьбу за свободу. Английские автоматы очередями посылали африканский свинец в сердца африканцев. Но те, кто остался в живых, призывали снова: «Слушай, Гана! Ты ведь не хочешь оставаться Золотым Берегом для колониальных грабителей? Поднимайтесь все, кто не желает жить в рабстве!» Так мужество говорило языком тамтамов. И это они первыми возвестили в 1957 году: «Слушай, Гана! Мы победили, ты свободна!» С тех пор каждый день радио Ганы начинало свои передачи с этих позывных.

Повсюду в Гане вас сопровождают поэтические и таинственные легенды. В них народ, не имевший летописцев, хранил свою историю.

Механик Даниэль Апя рассказал мне эту легенду в крепости Форт Вильямса, около города Кейп-Кост, там, где мясистые листья исполинского баобаба склонились над кокосовой пальмой и от корней до вершины оба дерева скручены безжалостными лианами. Мы спустились в мрачное подземелье. Яростные лавины океанского прибоя таранили крепость извне. Дрожащее пламя светильника волнами набегало на стены.

— Именно здесь хранился наш талисман, — так начал Даниэль. — Бронзовый вожь достался моему народу от древнего африканского государства Гана. Это было самое искусное творение человеческих рук — и у ганцев возникло поверье, что пока оно с нами, счастье не покинет наши дома.

И вот талисман украли. Это было полтора ста, а может, и все двести лет назад. Из этого каземата вы-

возили рабов в Америку. Шесть миллионов ганцев прошли через Форт Вильямса, прошли скованными, избитыми, изнемогающими от жажды и голода. Работоргоовцы-англичане вывезли нашу святыню — бронзового вождя. Они украли его, чтобы спрятать в Лондоне. И счастье покинуло мой народ. На землю Ганы опустилась долгая ночь.

Апья осветил большой каменный саркофаг, стоявший в углу. Приподнял плиту, и я увидел блеск бронзы, потом очертания лица в шлеме вождя.

— Вот он, наш талисман, — тихо сказал Апья. — Он вернулся к нам из Лондона, когда Гана наконец вырвала у англичан свободу. Теперь вы понимаете, почему счастье вернулось на нашу землю?

Я не знаю, на месте ли сейчас бронзовый вождь. Может быть, талисман и не украли, но свободу Ганы ее прежние хозяева попытались похитить. Я был в Гане еще до военного переворота. Сейчас на западе и в Аккре много и злобно пишут о распущенной Народной партии конвента, о свергнутом правительстве. Конечно, становление молодого африканского государства не могло проходить гладко. Были на его пути и трудности, и ошибки. Но ведь совсем другое определяло жизнь Ганы.

...Город Секонди. В школьном классе сидят взрослые: на скамьях слева — мужчины, справа — женщины. Это не родительское собрание. Заседает местная ячейка Народной партии конвента. На «камчатке» лежат, сидят и бегают дети — их не с кем оставить дома.

За столом президиума партийного собрания — графин с водой и будильник. Регламент не нарушается. Каждые десять минут будильник останавливает ораторов.

После очередного выступления все поднимаются со своих мест — и поют.

Слово взял железнодорожник Карти. Он рассказывает, как в депо на днях наградили орденом машиниста Асмоу. Орденом за труд.

— Если мы хотим выковать счастье, — сказал Карти, — труд должен быть молотом, а свобода Ганы — наковальней...

Таких людей, как Асмоу и Карти, не вернуть к рабскому труду. Проезжая города и селения Ганы, я видел рядом с новыми зданиями оставшиеся от коло-

ниальных времен убогие лачуги. На стенах многих из них красной краской был выведен крест. Он означал, что лачуги предназначены к сносу, а их обитатели переселились в благоустроенные дома. Как это символично — семимиллионный народ поставил крест на старом, крест на наследии колониализма. И процесс этот необратим.

Площадь ганской столицы — Аккры. Играет самый молодой оркестр республики — «Гагаринз бэнд» — джаз имени Гагарина. Каждую пятницу он выступает перед рабочими, и ганцы полюбили гагаринский джаз. Все четырнадцать музыкантов — любители. Они работали в конгрессе профсоюзов Ганы. «Пятнадцатый участник, — улыбается руководитель Филип Гбеко, — звонкоголосые тропические цикады. Это они задают темп».

Вот в круг влетели женщины. Руки-крылья взмыли к небу, заиграли ладони, вот из них выпорхнули цветастые платки. Удар тамтамов — и вздрагивают, оживают, возрождаются застывшие птицы, забились крылья, горячие, рвущиеся ввысь. Танец-вихрь переходит в танец-юмореску, потом, в плавный, лебединый, и снова тамтамы мгновенно превращают танцующих в круговорот красок.

Потом выходит мальчик — на его головке веночек из красных цветов. Это танец змеи. А вот в кольцах монист, в зеленом передничке вплывает в круг семилетняя Матильда Нуно. Все бешено аплодируют ее чудесной грации, удивительной ритмичности. По обычаю, на курчавую головку взрослые кладут монеты. Их уже десятки, но ни одна не упадет во время танца-вихря.

Я стою рядом с пожилым ганцем, строителем Беняку. «Счастливая, — говорит он о девочке. — Она ведь почти ровесница свободной Ганы. Матильда будет учиться, ради наших детей мы ничего не пожалеем».

Но всегда существовали силы, которым ненавистны успехи Ганы. На площади Черной Звезды в Аккре высилась Арка независимости. Под нее был подложен динамит. Арку пришлось восстанавливать. Взрыв подстроили те, кто хотел бы подорвать независимость страны.

В Гане известен персонаж многих сказок — паук Ананси. Вот одна из таких сказок. Ананси решил использовать доверчивость и добрые побуждения своих

соседей, чтобы расправиться с ними. Паук купил невозделанный участок леса и попросил помочь его обработать. По обычаю, откликнулись все. Пришли цыплята и коршун, кот и мышь, лев и олень и даже слон, пришел огонь, чтобы сжечь сучья, и вода, чтобы освежить работников.

Но паук не спешил начинать расчистку леса. Он дождался, пока соседи не набросились друг на друга, пока вода не загасила огонь, лев не задрал оленя, а слон не стал топтать всех зверей.

Ананси из ганской сказки очень напоминает колониальных пауков, которые хотели бы видеть Африку разобщенной, ослабленной внутренними противоречиями, бессильной противостоять натиску империалистов.

Я уверен — какие бы испытания ни выпали на долю народа Ганы, на долю Африки, какие бы ни устраивались засады и завалы, африканский слон одолеет колониального льва. Но до этого произойдет еще немало сражений, немало ростков будет загублено, немало преступлений совершится в джунглях и саванне, в лесах и пустынях, на зеленых холмах Африки. Осторожно, в джунглях засада!

Владимир Павлович Дунаев
ОСТОРОЖНО, В ДЖУНГЛЯХ ЗАСАДА!

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Б. Коцакова*

Художник *Н. И. Гришин*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *В. В. Воловик*

Сдано в набор 6/III 1967 г. Подписано к печати 13/VII 1967 г.

А-11904. Формат 84×108¹/₃₂ Бум. № 1

Печ. л. 2,25. Усл. п. л. 3,78. Уч.-изд. л. 3,46. Тираж 50 000 экз.

Изд. № 1733. Зак. № 238. Цена 19 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 19 коп.